

18+

СВАДРОМ

АЛЕКСАНДР ЧУЖОЙ

2026

Александр Чужой
Spådrøm. Спо́дрём

«Издательские решения»

Чужой А.

Spådrøm. Спóдрём / А. Чужой — «Издательские решения»,

Студент Марк видит вещие сны о катастрофах. После гибели друга, предсказанной во сне, он впадает в истощение. Встретив Марию, обладающую схожим даром, они пытаются спасти людей, но спорят о том, как использовать свою силу. Их противостояние с таинственным Ииратом, управляющим снами, становится вопросом жизни и смерти.

© Чужой А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сказ о том, кто видел нити	6
Tretten drømmer før daggry	7
Drømmen i bakspeilet	10
Drømmerens skjulte rom	13
Drøm eller varsel?	18
Drømmen om den andre	23
Vennens drømmeløse natt	27
Drømmen som ble mareritt	32
Drømmen om det uungåelige	35
Drømmen som tok slutt	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Spådrøm Спóдрём

Александр Чужой

© Александр Чужой, 2026

ISBN 978-5-0069-9668-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сказ о том, кто видел нити

Давно это было, а может, и недавно. В те времена, когда люди ещё помнили, что сны не всегда уходят с рассветом.

Жил на свете один старый ткач. Он пряд нити на огромном стане, что скрипел, как осиновый лес под бурей. Нити были тонкие-пре тонкие, и каждая тянулась от колыбели до могилы. Ткач не продавал своё ремесло — он просто ткал, потому что так было заведено от начала времён.

И был у ткача сын. Мальчик, который любил смотреть на отцовские руки. Но однажды ночью мальчик уснул у станка, и во сне он увидел не то, что положено видеть детям. Он увидел, где порвётся нить завтра, а где — через сто зим. Он увидел, как одна жизнь сплетается с другой, чтобы разорваться вместе. И он заплакал во сне, потому что увидел свою собственную нить — короткую и скрученную так туго, что она уже трещала.

Проснулся мальчик и хотел рассказать отцу. Но слова стали колючками в горле. С тех пор он перестал спать по-человечески. Он проваливался в дрему, как в прорубь, и оттуда выносил обрывки чужих смертей.

Отец понял, что натворил. Он отложил челнок и сказал:

— Есть две беды: одна, когда человек не видит своей судьбы, и другая, когда видит слишком много. Третьей не дано.

Старый ткач ушёл в лес и не вернулся. А мальчик остался один — со станком, где нити всё ещё висели, и со знанием, что каждая из них ведёт к концу.

Говорят, потом у него появилась спутница. Девушка, которая тоже заглядывала в колодец снов, но не тонула в нём, а черпала воду пригоршнями и пыталась залить пожары, которых ещё не было. Она была не ткачихой — она была строительницей. Хотела возвести мост через ту самую прорубь, где мальчик тонул каждую ночь.

Но мост не построили. Потому что, как сказал старый ткач, третьей беды не дано.

А что случилось дальше — расскажет сама пряжа. Только слушайте осторожно: нити имеют обыкновение обматываться вокруг горла, когда их трогают голыми руками.

Tretten drømmer før daggy

«В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью». — Фёдор Достоевский, «Преступление и наказание»

Эхо выстрела ещё стояло в ушах — густое, вязкое, словно сама тишина библиотеки отказывалась его отпустить. Марк услышал этот звук последним. Для него он стал точкой. Не многоточием, не запятой — жестокой, окончательной точкой. А для Марии — оглушительным крещендо, разорвавшим всё, что было до.

Она смотрела на падающее тело Марка, и глаза её, распахнутые так широко, что, казалось, вмещали всё горе мира, не видели больше ничего. Ни триумфа, ни облегчения, ни адреналина — только его. Падающего. Винтовка в её руках стала чужой, холодной, бессмысленной железкой. Тело Иирата лежало на кафельном полу — гротескное напоминание о том, что катастрофа отменена. Небо за окнами библиотеки оставалось невозможной, упрямой голубизны. Ни огня, ни пепла. Ложный рассвет, быть может.

Дыхание перехватило. Горло сжалось в спазме, исторгнув хриплый, сдавленный звук. Марк... Тот самый Марк, что так отчаянно боролся с видениями, что восставал против собственной ноши, что в итоге выбрал покой вместо бесконечного боя... лежал у её ног. Разрушенный. Она победила? Выжила? Всё это казалось пустым, запачканным багрянцем, пропитанным запахом пороха, смешанным со стерильным ароматом старых книг и сладковатым духом увядающих цветов с выставочного стола.

Сирены были где-то далеко, но звук нарастал — волна реального мира, спешащего заявить права на расколотые остатки этой ночи. Мария опустила на колени. Винтовка с грохотом упала рядом. Её взгляд скользнул от пустых глаз Марка к безжизненной фигуре Иирата, а потом — вверх, к высоким арочным окнам. Обычный дневной свет лился внутрь, равнодушный ко всему. К аду, который удалось потушить прежде, чем он разгорелся. Одинокая слеза проложила дорожку по её грязной щеке. Не только по Марку. По миру, который никогда не узнает истинного ужаса, которого избежал. И по ледяющему осознанию: спасая всех, она потеряла единственного, кто понимал.

Библиотека, только что бывшая убежищем знания, теперь казалась склепом.

Сон. Он всё ещё был здесь. Фантомная конечность сознания. Библиотека, пистолет, выстрел. Но на этот раз не её телом завладели. Им был Марк. Она была им. Безумная спешка, колотящееся сердце, отчаянный поиск позиции. Воздух во сне пах озоном — предвестием ядерного огня. Насмешливое лицо Иирата нависало, маска жестокого удовлетворения. А потом — невозможное предательство. Оружие оказалось не в руке Иирата, а в собственной руке Марка. Невозможный выбор. Мария моргнула, прогоняя осколок сна, но он оставил после себя холодный осадок. Это было иначе. Не предчувствие события — воспоминание о выборе. Последний поступок Марка был неразрывно связан с её собственным выживанием. Он ведь видел это, не так ли? В том последнем, мучительном сне, где был ею, он предвидел свой отчаянный ход. Пережил его, умер в нём, а затем пережил снова — чтобы выбрать для себя другую концовку.

Мария поднялась. Ноги были ватными, неуверенными. Первые спасатели уже заполняли вход, их крики эхом разносились под сводами, лица были смесью растерянности и суровой решимости. Ей нужно было уходить. Она не могла это объяснить. Не сейчас. Никогда. Вес жертвы Марка, его окончательного отказа, опустился на неё, как саван. У неё была свобода воли, которой он так жаждал. Мир, который он спас. И это была пугающе пустая победа.

Она двигалась сквозь хаос, призрак среди живых. Глаза сканировали периферию — не появится ли ещё одно видение, не развернётся ли ещё одна невозможная реальность. Но была лишь мрачная деловитость полиции, приглушённая спешка врачей, растущий гул мира, который теперь был в безопасности. В безопасности, потому что Марк увидел это во сне, а потом, по-своему катастрофически, решил прекратить сновидения.

Она оказалась на улице. Прохладный ночной воздух обжёл разгорячённую кожу. Огни города мерцали — равнодушные, далёкие. Небо было чистым. Никаких грибовидных облаков. Никакой разрушенной цивилизации. Только тихое жужжание мира, который продолжал вращаться, не подозревая о космической шахматной партии, только что завершившейся на полированных полах хранилища знаний.

Телефон завибрировал. Сообщение от матери. «Ты в безопасности, милая? Слышала что-то в новостях о пожаре в библиотеке в центре. Пожалуйста, скажи, что тебя там не было».

Мария устала на экран. Горькая улыбка тронула губы. Пожар. Как мило. Как обычно. Она набрала ответ — пальцы были неуклюжими, ватными. «Я в безопасности. Просто немного нервничаю. Скоро буду дома».

Дом. Что теперь такое дом? Она была провидицей. Той, кто понимал рябь, последствия. У неё была ясность, которой Марк так отчаянно искал. Контроль, о котором она спорила. Но цена этой ясности, стоимость этого контроля были высечены кровью на полу библиотеки. Она видела всё: не упавшее небо, предотвращённую катастрофу, жизнь, которая была ей возвращена. И она видела призрака Марка, навсегда запёртого в эхе его собственного пророческого сна. Наконец-то свободного.

Она поймала такси. Дежурное приветствие водителя прозвучало дико, не к месту — на фоне тектонического сдвига, который только что произошёл. Устроившись на потёртом кожаном сиденье, она поймала своё отражение в зеркале заднего вида. Глаза были пустыми, слишком старыми для её лица. Но под усталостью начинала формироваться стальная решимость. Марк отдал жизнь, чтобы прекратить бремя. Она должна жить с ответственностью. Сделать так, чтобы его жертва не была напрасной. Стать щитом. Оплотом. Той, кто помнит цену.

Такси отъезжало от места происшествия, оставляя позади мигающие огни и растущее медийное безумие. Мария оглянулась на библиотеку. Маяк света во тьме, теперь — памятник войне, которую вели не бомбами, а видениями. Она закрыла глаза. Не для того, чтобы уснуть. Чтобы сосредоточиться. Впитать. Запомнить. Сны придут, она знала. Они всегда приходили. Но теперь они будут её, чтобы толковать, её, чтобы нести. Бремя Марка, в каком-то смысле, стало её наследием. А мир, блаженно невежественный, продолжал свой обычный марш к неопределённому будущему. Будущему, которое она теперь была неразрывно связана защищать. Вес был огромен, давящая тяжесть в груди. Но это был вес, который она могла нести. У неё не было другого выбора.

Такси ехало дальше, городские огни размывались в полосы цвета. Мария смотрела в окно, разум уже просеивал фрагментированные видения, которые всё ещё задерживались на краю сознания. Эхо возможностей, которых едва удалось избежать. Последний сон Марка — тот, где он вселился в её тело, — воспроизводился с пугающей ясностью. Она помнила ужас. Ослепляющую панику, когда дуло пистолета Иирата прижалось к её виску. А затем — невозможный прилив силы. Убедённость, прошедшая сквозь неё, сквозь него, когда его рука подняла оружие. Выстрел. Висцеральный, невозможный выстрел, разорвавший ткань иллюзии.

Это было леденящее душу свидетельство силы, которой он обладал. Силы, которую так яростно отвергал. Он убил Иирата во сне. Фантомной смертью. Но это возымело действие, не так ли? Повлияло ли это на ход событий? Проложило ли путь к исходу в реальном мире? Границы между сном и явью, и так уже размытые, казалось, полностью растворились, когда она думала о Марке. Он не просто видел будущее; он активно, яростно перекраивал его. Даже в своём последнем акте самоуничтожения он манипулировал результатом.

Она вспомнила их спор в библиотеке. Горячие слова в тихих уголках. Резкий контраст между её прагматичным желанием контроля и его висцеральным отвращением к бремени. Он видел потенциал для разрушения, для развращения в обладании такой силой. Видел, как легко она искажает, изолирует, уничтожает. И в конце концов выбрал уничтожение вместо компромисса.

Мария обхватила себя руками. Дрожь пробежала по телу. Воспоминание о сне, о том, как Марк вселился в неё, было особенно тревожным. Глубокое нарушение, слияние личностей — ужасающее и... поучительное. Он испытал её страх, её уязвимость. И в тот общий миг ужаса нашёл в себе силы действовать. По сути, стал её защитником.

Она подумала о грузовике. Автоцистерне. Образ въелся в сознание. Истинный масштаб разрушения. Небоскрёб, символ амбиций и прогресса, рушащийся под тяжестью его вызванной сном ярости. Он сделал это. Вызвал опустошение. И оно имело реальные последствия — новостные репортажи подтверждали. Её обвинения, её гнев были оправданы. Но теперь, оглядываясь назад, его реакция, какой бы ужасающей она ни была, казалась отчаянной мольбой. Криком против удушающего веса его дара.

Она закрыла глаза, пытаясь вновь пережить ощущение нахождения в теле Марка. Дезориентация. Чистая паника от пробуждения в чужой шкуре. Он проснулся как она, в библиотеке, в тот самый миг, когда Иират собирался нажать на курок. И тогда он сделал выбор. Мгновенное решение, рождённое целой жизнью борьбы с видениями. Он решил шагнуть на пути пули.

Новая волна горя. Он спас её. Не только от Иирата, но и от бомбы, от ядерного рассвета. Принял удар на себя, всю силу катастрофы. А потом, когда небо всё ещё было цело, а мир всё ещё вращался, решил покончить с собой.

Парадокс, терзавший её. Он был обременён предвидением, знанием того, что должно случиться. И это побудило его сбежать от бремени, вернуть свою свободу воли. Его самоубийство стало высшим актом самоопределения. Последним отчаянным утверждением контроля над силой, диктовавшей его жизнь.

Она смотрела на проплывающий мимо город. Бесчисленные огни — свидетельство жизней, которые продолжались, не подозревая о крае, которого коснулись. Теперь у неё было будущее. Бремя. Ответственность. Марк предложил ей путь к спасению, к побегу, приняв пулю на себя. Но она отказалась. Застрелила Иирата. Решила остаться, сражаться. И теперь осталась с последствиями этого выбора и глубоким, эхом отдающимся молчанием отсутствия Марка. Его пророческие сны закончились. Её, казалось, только начинались. И их будет преследовать призрак его последнего, разрушительного акта свободы воли. Она уже видела это — слабое мерцание на периферии зрения. Призрачный силуэт Марка, вечно стоящего на краю пропасти. Вечно в мире. Вечно ушедшего. Бремя было снято с него, но перенесено — по-своему разрушительно — на неё.

Drømmen i bakspeilet

*«Сны беззаботные, сны мимолётные снятся лишь раз». —
Николай Минский*

Потертое виниловое сиденье такси липло к голым ногам Марии. Городские огни размывались в полосы неона и натрия. Внутри тесного пространства воздух был густым от металлического привкуса выхлопных газов и призрака дешёвого освежителя. Снаружи мир жужжал — беспечный, ничего не знающий. Руки Марии, всё ещё слегка дрожащие, сжимались на коленях. Вес всего этого — жертва Марка, предотвращённый апокалипсис, леденящая душу окончательность его поступка — давил на неё. Физическая боль в груди.

Она видела, как полиция наводнила вход в библиотеку. Мигающие огни окрашивали некогда священную землю в кричащий, неотложный свет. Видела, как аккуратно упаковывали оружие Иирата — холодный, безличный предмет, в котором хранилась судьба миллиардов. А затем — Марк. Он лежал там. Глаза широко открыты и пусты. Невозможная пулевая рана резко выделялась на бледной коже. Это был не сон. Это было ужасающе, бесповоротно реально.

Она ушла от сирен, от приглушённых, благоговейных шепотков зевак, от мрачной эффективности первых спасателей. Разум чувствовал себя разбитым зеркалом. Каждый осколок отражал другой ужас. Лицо Марка, искажённое в том последнем, отчаянном акте возвращения свободы воли. Леденяще спокойный щелчок курка пистолета Иирата. Ослепительная вспышка света, которая так и не наступила. И оглушительная тишина, следовавшая за этим, нарушаемая лишь отдалённым воем приближающейся скорой.

Водитель такси, мужчина с лицом, словно вырезанным из старой кожи, не сводил глаз с дороги. Его молчание было желанной передышкой. Он не задавал вопросов. Просто вёл машину. Молчаливый арбитр её побега. Мария подтянула колени, пытаясь сжаться, исчезнуть в анонимности проходящих улиц. Ответственность — та, которую Марк так яростно сбросил, — теперь лежала прямо на её плечах. Она ощущалась как физическое бремя. Свинцовый плащ, грозивший задушить.

Она прокрутила в голове последние мгновения Марка. Его последние слова, обращённые к ней. «Теперь это твоё, Мария». Мрачное наследство. Он спас её. Спас мир. А затем покончил с собой. Парадокс терзал её. Он так отчаянно боролся, чтобы предотвратить одну смерть, только чтобы совершить другую — свою собственную. Было ли это мужеством? Или отчаянием? Она спорила с ним, умоляла, пыталась заставить принять силу, контролировать её, использовать во благо. Но он видел в ней только проклятие. Незваное вторжение в его существование.

Библиотека. Место убежища для Марка. Место, где он думал, что сможет найти ответы. И место их финальной конфронтации. Она вспомнила удушающий страх того сна, где Марк вселился в её тело. Холодный пот на коже. Учащённое сердцебиение. Ужасающее осознание присутствия Иирата — так близко, так смертоносно. А затем, её собственными глазами, она увидела руку Марка, уверенную и твёрдую, нажимающую на курок. Этот сон спас их. Но он также показал ей ужасающий потенциал, которым обладал Марк. Разрушительную силу, которую он мог высвободить.

Она сказала ему, что он Творец. Что может формировать пространство сна, гнуть реальность. Он отшатнулся от этого ярлыка, от намёка на силу. Хотел быть обычным. Свободным от постоянного шёпота будущего. И в конце концов выбрал именно это. Свободу. По самой высокой возможной цене.

Такси повернуло за угол. Уличные фонари отбрасывали длинные искажённые тени, танцующие в ритме её мыслей. Она видела лица людей, которых они спасли. Незнакомцы, чьи

жизни теперь продолжались, не подозревая о крае, на котором балансировали. Их будущее, когда-то ужасающее пятно в её снах, теперь было... ненаписанным. Или, скорее, теперь оно было её, чтобы засвидетельствовать, её, чтобы защитить. Прагматичная часть её, та, что всегда стремилась к порядку и контролю, уже начинала организовываться. Но это был хрупкий покой, легко разбиваемый ошеломляющим горем и чистым ужасом того, что ждало впереди. Как вообще начать это перерабатывать? Как нести это бремя, этот постоянный приток видений, не сломавшись? Марк сломался. Выбрал окончательный побег.

Её взгляд снова упал на руки. Они всё ещё были испачканы слабым остатком крови. Кровью Марка. Мрачное напоминание. Она пошевелила пальцами, чувствуя фантомное эхо пистолета в руке, решительное нажатие на курок. Она сделала это. Убила Иирата. Спасла их всех. Но победа казалась пустой, пропитанной потерей.

Она вспомнила взгляд Марка. Его глаза прямо перед тем, как он поднял пистолет. Не страх, не гнев — глубокая усталость. Истощение, проникающее в самые кости. Теперь она понимала это так, как никогда раньше не могла. Непрекращающаяся атака предвидения. Знание каждой потенциальной катастрофы, каждой неизбежной трагедии. Это был яд, медленно разъедающий душу.

Такси замедлилось, остановившись перед ничем не примечательным многоквартирным домом. Это было здесь. Её пункт назначения. Водитель повернулся, обветренное лицо было бесстрастным. — Мы на месте. — Голос — низкий рокот. Мария порылась в сумочке, пальцы были неуклюжими. Протянула пачку купюр — больше, чем нужно за проезд. Он не пересчитал их, просто кивнул и запустил счётчик.

— Спасибо, — выдавила она. Голос был хриплым.

Он встретил её взгляд на мимолётное мгновение. — Будьте там осторожны. — В тоне прозвучала удивительная нотка заботы.

Странно было слышать это от того, кто не знал, что она только что предотвратила глобальную катастрофу. Но Мария поняла. Он тоже был частью мира, за который она теперь отвечала. Одним из лиц в её разворачивающемся будущем.

Она открыла дверцу. Прохладный ночной воздух обжёг кожу. Город жужжал вокруг неё, огромный, замысловатый гобелен жизнью, каждая нить — потенциальная история, каждая история — потенциальная катастрофа. Она вышла из такси. Вес новой реальности опустился на неё, как влажный ночной воздух. Такси отъехало, задние огни исчезли в городском хаосе, оставив её одну с тишиной, эхом и ненаписанным будущим.

Она посмотрела на здание. Окна тёмные, анонимные. Просто многоквартирный дом. Просто очередное место. Но в его стенах, в её собственном разуме, лежала вселенная возможностей — одновременно прекрасных и ужасных. У неё было предвидение. Была сила. И теперь было бремя.

Рука инстинктивно легла на грудь, на сердце. Оно всё ещё билось. Устойчивый, настойчивый ритм. Напоминание о том, что она жива. Что выжила. Но выживание, как она начинала понимать, было только началом.

Она сделала глубокий вдох. Городской воздух наполнил лёгкие. Пах дождём, выхлопными газами, отдалённой грозой. Пах жизнью. Она подумала о Марке в последний раз. Его последний поступок — отчаянная мольба о покое. Она не могла дать ему этот покой. Но, может быть, только может быть, она могла найти способ жить с бременем, которое он оставил ей. Способ контролировать его, формировать его, предотвращать те будущие, что преследовали её сон.

Она повернулась и пошла ко входу. Шаги сначала были неуверенными, затем становились всё более решительными. Мир снаружи мог быть беспечным, но мир внутри неё был бурей. И она была центром этой бури. Должна была найти путь сквозь неё. Научиться ориентироваться в лабиринте предвидения, мудро выбирать свой путь. Ради всех. Ради Марка.

Тяжёлая стеклянная дверь распахнулась внутрь, открывая тусклый, покрытый ковром коридор. Воздух внутри был спёртым, резким контрастом с ясным ночным воздухом. Она перешагнула порог, оставив видимый мир позади и войдя в тихое, замкнутое пространство собственной надвигающейся реальности. Дверь мягко закрылась за ней, приглушая звуки города, изолируя её с непрерывным гулом её собственного необычайного осознания.

Она пошла по коридору. Шаги мягко отдавались эхом. Каждый шаг казался взвешенным, обдуманым. Она была больше не просто Марией. Она была Провидицей. Защитницей. Той, кто видит то, чего другие не могут. Той, кто должна действовать.

Она добралась до двери своей квартиры, нащупывая ключи. Металл был холодным на ощупь. Когда замок щёлкнул, на краю зрения промелькнул образ — детский смех, яркий и беззаботный, игра в залитом солнцем парке. Мгновение чистой радости. Желанная передышка, хрупкое семя надежды в огромном ландшафте её предвидения. Она ухватила за него, держа его близко, когда толкнула дверь и шагнула в тишину собственного дома. Путешествие только началось.

Drømmerens skjulte rom

«Вообще вся его жизнь представляла собой как бы непрерывное и притом бессвязное сновидение». — Антон Чехов, «Тссс!..»

Дверца такси захлопнулась. Звук — пугающе громкий в внезапной, густой тишине, опустившейся после библиотеки. Мария стояла на потрескавшемся асфальте. Прохладный ночной воздух резко контрастировал с обжигающим жаром недавних выстрелов. Её рука, всё ещё скользкая от крови Марка, дрожала, когда она потянулась к потускневшей латунной ручке многоквартирного дома. Внутри воздух был застойным, густым от призрака застоявшегося сигаретного дыма и слабого металлического привкуса чего-то, что она не могла точно определить. Знакомый запах. Запах жизни Марка, или того, что от неё осталось.

Она шагнула в тусклый коридор. Обои с отваливающейся краской — приглушённый гобелен забытых жизней. Квартира Марка. Ключ, всё ещё тёплый от его кармана, тяжело лежал на ладони. Она взяла его — рефлекс, рождённый шоком. Отчаянная потребность ухватиться за что-то прочное в мире, только что разорванном на части. Замок жалобно застонал, когда она повернула ключ. Звук эхом разнёсся в маленьком пространстве.

Квартира была картиной остановленного развития. Книги разбросаны по полу. Некоторые лежали раскрытыми, другие шатко навалены на каждой доступной поверхности. На журнальном столике — наполовину съеденная миска с хлопьями, молоко в которой давно свернулось. Жизнь, внезапно поставленная на паузу. Повествование, внезапно прерванное. Глаза Марии сканировали комнату в поисках... чего? Подсказки? Утешения? Объяснения?

Её привлёк письменный стол. Хаотичный пейзаж из блокнотов, ручек и скомканной бумаги. Обычно аккуратный и точный почерк Марка местами превращался в безумную каракулю. Отчаянную, почти неразборчивую мольбу. Она взяла потрепанный блокнот. Страницы были заполнены его знакомым почерком. Записи представляли собой беспорядочную смесь дат, времени и фрагментированных наблюдений, перемежающихся тревожными вопросами и всё более отчаянными мольбами.

14 октября. 3:17 утра. Сон вернулся. Мост. Вода. Он не умеет плавать.

16 октября. 11:02 вечера. Это случилось. Как я и видел. На нём была синяя рубашка. Та, которую он всегда носил.

19 октября. 7:45 утра. Три дня. Я не спал. Тишина ещё хуже. Тишина громкая.

Дыхание Марии перехватило. Это были не просто случайные мысли. Это было эхо его кошмара наяву. Пророчеств, которые он был вынужден нести. Она перевернула страницу. Пальцы проследили слова, как будто ища утешения в их материальной форме.

21 октября. 1:10 утра. Самоубийства. Они происходят. Всё происходит. Как я могу это остановить? Как я могу не останавливать это?

Её взгляд упал на более позднюю запись. Почерк становился всё более неровным, паническим.

23 октября. 9:00 вечера. Мария. Библиотека. Люстра. Она реальна. Это реально. Но Иират... он тоже там. Он дёргает за ниточки.

Сердце Марии заколотилось. Она вспомнила библиотеку. Ужас падающей люстры. Облегчение, когда Марк оттащил её с пути. Вспомнила их разговоры шёпотом. Общий страх. Невысказанное понимание. Вспомнила его скрытность, то, как он уклонялся от её вопросов о полной мере его способностей. Его почти висцеральное отвращение к собственной силе.

Она пролистала ещё страницы. Поиск становился всё более настойчивым. Затем она увидела это. набросок, грубо нарисованный, но несомненно знакомый. Библиотека. И маленькая красная точка, расположенная точно там, где стоял Иират, как раз перед выстрелом. Рядом с

ним одно слово, нацарапанное дрожащей рукой: *Иират*. Под ним последовательность цифр. Номер телефона.

Пальцы Марии дрожали, когда она достала свой телефон. Аварийные огни библиотеки всё ещё отбрасывали длинные, тревожные тени в её сознании. Запах озона от выстрелов, казалось, всё ещё витал в воздухе. Она должна была узнать. Должна была выяснить, чем занимался Иират, каков был его окончательный план. Она набрала номер. Большой палец завис над кнопкой вызова. Последний кусочек головоломки. Последний пережиток злобы Иирата.

Её взгляд скользнул к окну. Огни города размывались в полосы цвета. Она подумала о не упавшем небе, о предотвращённом апокалипсисе, о цене, которую заплатил Марк. Телефон зазвонил. Раз. Два. Как раз когда она собиралась повесить трубку, ответил голос. Женский голос, на удивление спокойный, почти скупающий. — Да?

— Алло, — начала Мария. Голос был немного дрожащим. — Это... это там я могу узнать об Иирате?

Мгновение тишины. Затем тон женщины изменился, в нём появился тонкий, опасный оттенок. — Кто это? Как вы получили этот номер?

— Это не важно, — сказала Мария. Собственный голос стал твёрже. Она была больше не просто девушкой, которую спасли. Она была девушкой, которая видела конец света. Девушкой, которая теперь несла вес жертвы Марка. — Мне нужно знать, что он планировал. Что он делал.

Ещё одна пауза, на этот раз более долгая. Мария почти чувствовала, как женщина на том конце линии взвешивает её слова, оценивает её. — Вы были в его снах, не так ли? — Вопрос повис в воздухе.

Дыхание Марии снова перехватило. — Откуда вы знаете?

— Я была там, — ответила женщина. Голос был едва слышен. — На периферии. Наблюдала. Иират. Он был... дотошен. Но он упускал из виду мелочи. Он всегда упускает из виду мелочи.

— Какие мелочи? — настаивала Мария. Она села на край неубранной кровати Марка. Пружины жалобно застонали. Блокнот лежал открытым рядом с ней, молчаливое свидетельство мучений Марка.

— Он думал, что контролирует всё, — сказала женщина. В голосе слышался намёк на что-то вроде веселья. — Сны, события, людей. Но он был просто кукловодом, и нити истончались.

— Кто вы? — спросила Мария. Взгляд был прикован к блокноту.

— Кто-то, кто хочет убрать за ним, — ответила женщина. — Кто-то, кто... понимает. Вы та, кто остановил его. Вы и тот парень. Марк.

Имя повисло в воздухе, болезненное напоминание. Глаза Марии защипали. — Он ушёл.

— Я знаю, — мягко сказала женщина. — Он сделал выбор. Ужасный, смелый выбор.

Мария почувствовала укол беспокойства. Эта женщина знала слишком много. Была слишком спокойна, слишком информирована. — Вы сказали, что были «там». Где это «там»? — Разум лихорадочно работал.

— Везде и нигде, — сказала женщина. — Пространство между. Трещины. Влияние Иирата простиралось глубоко. Он не просто манипулировал снами. Он носил их. Он искажал их, перекраивал, делал своей игровой площадкой.

— Но он мёртв, — настаивала Мария. Отчаянная потребность в завершении терзала её.

— Телесно, да, — признала женщина. — Но его сущность, его влияние... оно остаётся. Особенно в местах, где он построил свои самые сильные основы. Местах силы. Местах, где культивируется страх.

Мария оглядела маленькую квартиру Марка, затем снова посмотрела на блокнот. Его страх. Его мучения. Эта квартира была убежищем, но в то же время она была и клеткой.

— Он пытался взорвать бомбу, не так ли? — прошептала Мария. Воспоминание о сне, о торжествующей усмешке Иирата, нахлынуло.

— Он пытался инициировать каскад, — поправила женщина. — Ядерный каскад. Цепную реакцию, которая уничтожила бы всё. Он верил, что, положив конец миру, обретёт покой. Извращённая форма катарсиса.

— Но мы остановили его, — сказала Мария. В голосе звучала хрупкая надежда.

— Вы остановили спусковой крючок, — сказала женщина. — Но механизм... он уже был в движении. Это как лесной пожар. Вы можете потушить основной огонь, но угли могут снова воспламениться, если их не контролировать.

Кровь Марии похолодела. — Что вы говорите?

— Я говорю, что сила Иирата не была исключительно его собственной, — сказала женщина. — Он был проводником. Сосудом. И у него были сообщники. Люди, которые извлекали выгоду из его хаоса, которые наживались на страхе, который он сеял.

— Сообщники? — повторила Мария. Разум был в смятении. Она думала, что всё кончено. Думала, что они наконец победили.

— Думай, Мария, — призвала женщина. — Кто бы хотел увидеть мир в огне? Кто бы извлёк выгоду из такого массового разрушения и отчаяния?

Мысли Марии лихорадочно метались, просеивая фрагменты влияния Иирата, тонкие манипуляции, которые она чувствовала ещё до встречи с ним. Волна самоубийств. Усиленные тревоги. Всепроницающее чувство страха, медленно подкрадывавшееся к миру.

— Он создавал рынок, — осознала Мария. Холодок распространился по телу. — Рынок страха. Для отчаяния.

— Именно, — подтвердила женщина. — И Иират был величайшим продавцом. Теперь его сеть раскрыта. Но они всё ещё там. Они всё ещё пытаются продолжить с того места, где он остановился. Они ищут его... наследие.

— Его наследие? — эхом отозвалась Мария. Взгляд снова упал на блокнот, на последнюю запись Марка. Не упавшее небо.

— Он верил, что создаёт что-то новое, — сказала женщина. — Новый порядок, рождённый из пепла старого. Он ошибался. Он был просто разрушителем.

— А вы? — спросила Мария. В голосе звучало подозрение. — Что делаете вы?

— Я... курирую, — сказала женщина. Теперь в голосе звучала усталость, зеркально отражающая собственную усталость Марии. — Я пытаюсь залечить раны, которые он оставил. Я пытаюсь направлять тех, кто остался, чтобы ориентироваться в новом ландшафте.

— И вы думаете, я могу это сделать? — спросила Мария. Вопрос был пропитан неуверенностью в себе. Она всё ещё приходила в себя после событий в библиотеке, после вида крови Марка.

— У тебя есть дар, Мария, — сказала женщина. — Ты чувствовала шёпот. Ты видела правду. У тебя есть потенциал. И теперь у тебя есть выбор. Ты можешь позволить страху поглотить тебя, как хотел Иират. Или ты можешь использовать его. Ты можешь понять его. Ты можешь бороться с ним.

Мария закрыла глаза. Глубокий, дрожащий вздох. Квартира казалась душной. Тишина больше не была просто отсутствием звука; она была осязаемым присутствием, тяжёлым от невысказанного и несделанного. Жертва Марка купила им время, купила им шанс. Но борьба не закончилась. Она только сместилась.

— Что мне нужно делать? — спросила Мария. Голос теперь был твёрдым. Стальная решимость закалялась внутри неё. Прагматичная амбициозность, черта, которая всегда определяла её, вновь всплывала на поверхность, смягчённая новым пониманием ставок.

Женщина на том конце провода мягко вздохнула. Звук тихого облегчения. — Тебе нужно найти их. Тех, кто извлёк бы выгоду из апокалипсиса Иирата. Они те, кто попытается завершить то, что он начал. Они те, кто будет искать... его наследство.

— Его наследство? — повторила Мария. Узел страха сжался в желудке.

— Его силу, — пояснила женщина. — Его влияние. Его сны. Тебе нужно найти их, прежде чем они найдут тебя. И тебе нужно решить, что ты сделаешь с бременем, которое оставил Марк. Потому что он умер не просто за мир, Мария. Он умер за тебя. Он умер, чтобы у тебя был шанс выбрать.

Мария посмотрела на блокнот. На нацарапанные слова. На грубый рисунок библиотеки. Марк. Он встретил свой страх лицом к лицу, принял свою судьбу, даже если это означало его конец. Он указал ей путь. Теперь настала её очередь.

— Я понимаю, — сказала Мария. Голос был едва слышен, но пропитан убеждённой уверенностью, которая удивила даже её саму. Квартира, когда-то место горя и изоляции Марка, теперь ощущалась как отправная точка. Горнило.

— Хорошо, — сказала женщина. В голосе слышалась нотка мрачного удовлетворения. — Тогда мы начинаем. Ищи аномалии, Мария. Места, где мир кажется... неправильным. Шёпот на ветру. Тени, которые движутся слишком быстро. Это хлебные крошки, которые Иират оставил после себя. И они приведут тебя к его преемникам.

Мария повесила трубку. Тишина, которая последовала, была иной. Это было не просто отсутствие звука; это была заряженная неподвижность, беременная ожиданием. Она встала. Глаза снова обвели комнату. Это всё ещё была квартира Марка, всё ещё памятник его борьбе, но она больше не ощущалась как склеп. Она ощущалась как карта.

Она взяла блокнот. Потрёпанная обложка была утешением в руке. Она открыла его на странице с номером телефона, затем перевернула обратно к грубому наброску библиотеки. Красная точка. Иират. И под ней слабое, почти невидимое пятно от стёртого. Раньше там было что-то, что Марк поспешно попытался скрыть. Что же он скрыл?

Её взгляд упал на маленькую, загнутую фотографию, засунутую между страницами. Марк и Мария, снятые на студенческом пикнике. Солнце сверкало на их лицах. Он улыбался — искренней, беззаботной улыбкой, которой она не видела месяцами. Она посмотрела на фото, приступ боли пронзил её, затем на пустое место рядом с ней на кровати. Он умер за неё. За шанс сделать выбор. И теперь она должна была почтить эту жертву.

Она встала и подошла к окну, глядя на огромный мегаполис. Огни города пульсировали, как живой организм. Каждый из них — история, жизнь, потенциальный сон. Иират пытался погасить их все. Но потерпел неудачу. И теперь её обязанностью было убедиться, что они продолжают сиять.

Она вернулась к столу. Глаза сканировали хаотичную грудку бумаг. Должно быть больше. Больше подсказок. Больше ответов. Сеть Иирата. Его преемники. Ей нужно было понять масштаб того, с чем они столкнулись и с чем теперь сталкивались.

Она нашла выцветшую листовку о мероприятии в кампусе. Поэтическое чтение. Под ней — скомканную листовку о студенческом кинофестивале. Название было написано жирным чёрным шрифтом на белом фоне: «Невидимое». Это показалось ей знаком. Тонким толчком. Иират имел дело с невидимым, с манипуляцией восприятием.

Мария взяла ручку, которая валялась без дела, и перешла к чистой странице в блокноте Марка. Её собственный почерк, хоть и не такой аккуратный, как у него, всё ещё был чётким, уверенным. Она начала писать. Не фрагментарно и вопросительно, как раньше, а с целью. Она была больше не просто провидицей. Она была защитницей.

25 октября. 3:00 утра.

Иират ушёл. Марк ушёл. Но эхо остаётся. Сеть всё ещё активна. Они ищут его наследие. Его силу. Его сны.

Я найду их. Я остановлю их. Я не позволю миру замолчать.

Она остановилась. Взгляд упал на фотографию её и Марка. Она провела пальцем по его улыбающемуся лицу.

Он спас меня. Теперь я почти его жертву.

Она закрыла блокнот. Мягкий стук эхом разнёсся в тихой квартире. Она знала, что должна делать. Должна следовать за крошками. Должна найти преемников Иирата, тех, кто попытается завершить то, что он начал. И должна сделать это в одиночку. Вес бремени Марка теперь был её. Ответственность была её. Но впервые с момента библиотеки проблеск решимости, острый и истинный, прорезал горе. Она не позволит жертве Марка быть напрасной. Не упавшее небо останется не упавшим. И она позаботится об этом.

Она стояла, новая решимость затвердела в глазах, и направилась к двери. Поиски начались.

Drøm eller varsel?

«Так вот что предвещал мне мой сон! — подумал я, — дай бог только, чтобы не было чего-нибудь ещё хуже». — Александр Пушкин, «Руслан и Людмила»

Потёртая кожа блокнота Марка скользила под пальцами Марии. Фантомное тепло его рук. Она закрыла его. Мягкий стук эхом разнёсся в внезапной тишине квартиры. Женщина на том конце провода, её голос — сухой шорох листьев, — нарисовала леденящую картину: Иират, пешка, проводник, и целая сеть пауков, всё ещё таящихся, привлечённых остатками его силы. *Его наследие*. Слова осели, как песок под кожей Марии.

Она поднялась из-за стола. Дешёвый ламинат был прохладным под ладонями. Квартира была мавзолеем тревог Марка. Картиной жизни, прожитой в осаде. Книги валялись разбро-санными, их страницы были загнуты на отрывках об экзистенциальном страхе и иллюзии сво-боды воли. Пустые кофейные чашки, бледные кольца от которых были на каждой поверхности, свидетельствовали о его лихорадочных битвах со сном. Наполовину съеденная миска с хлопьями стояла на стойке — миниатюрная диорама прерванного существования. Это был резкий контраст со стерильной эффективностью, которой жаждала Мария. Упорядоченным миром, который, как она верила, был единственным оплотом против хаоса.

Она подошла к окну, отодвинув тонкую, утилитарную занавеску. Город раскинулся внизу. Огромный, равнодушный организм, жужжащий невидимыми течениями. Солнце, выцветший диск в туманном небе, предлагало мало утешения. Оно возшло над спасённым миром. Миром, который Марк решил покинуть. Вес этого выбора, сама ослепляющая окон-чательность его, давил на неё. Он отверг бремя. Вернул свою свободу воли, не овладев ею, а уничтожив её. И, делая так, разбил любую видимость «обычного» побега для кого-либо ещё.

Мария проследила узор на конденсате, затуманивающем стекло. Слова женщины снова эхом отозвались: *ищи аномалии, ищепот*. Это звучало как фольклор, как погоня за призраками. Но Марк в своих отчаянных каракулях намекал на что-то за пределами очевидного. Что-то, что резонировало с глубочайшим беспокойством в её собственном одарённом уме. Он видел местоположение Иирата, скрытый вход, важную деталь, которую она упустила в своём перво-начальном лихорадочном просмотре его заметок. Он понимал, даже в своём отчаянии, ковар-ную природу их врага. Понимал, что Иират был не концом, а симптомом.

Она снова повернулась к столу. Взгляд упал на грубый набросок. Библиотека. Иират, грубая, угловатая фигура, стоящая в определённом месте у стеллажей с художественной лите-ратурой. Место, которое было просто пятном в её собственном сне, деталью, потерянной в висцеральном ужасе. Но Марк нарисовал это. Выгравировал на бумаге, пытаясь пригвоздить нематериальное. И рядом с ним — скрытый вход. *«Библиотека истекает кровью, когда сме-щается узел связи»*. Узел связи. Это было слово, которое гудело с другим видом энергии. Сеть. Точка соединения. Иират был узлом связи, возможно, но не единственным. Сеть, о которой говорила женщина.

Мария взяла свой телефон. Большой палец завис над клавиатурой. Она пролистала недав-ние вызовы, остановившись на несохранённом номере. Голос женщины был отстранённым, почти академическим тоном, как будто она обсуждала интересный, но далёкий феномен. — Иират был проводником... сеть пыталась вызвать ядерный каскад... его сообщники всё ещё активны и ищут его наследие.

Наследие. Что за наследие оставил после себя Иират? Больше хаоса? Больше боли? Больше жертв, подобных Марку?

Она нажала кнопку вызова. Гудок был резким контрастом с приглушённой, почти заговорщической интимностью их разговора. Это была битва другого рода. Битва, ведомая в тени. Не с взрывами и рушащимися зданиями, а с шёпотом и острым взглядом на трещины в реальности.

— Алло? — Голос был тем же. Сухим, точным.

— Это Мария, — сказала она. Голос был твёрдым, излучая уверенность, которую она не совсем чувствовала. — Из библиотеки. Я... кажется, я кое-что нашла. В записках Марка.

Короткая пауза. — Ты нашла. Я надеялась, что он оставил что-то после себя. — Тон женщины изменился, тонкое затвердевание. — Что ты нашла?

— Он нарисовал библиотеку. И он отметил... кое-что о «смещении узла связи». И что библиотека «истекает кровью» тогда. Он также писал о местоположении Иирата, о конкретном месте. — Мария взглянула на набросок, затем на нацарапанные слова. — Это чувствовалось как предупреждение. О связи.

— О связи, — повторила женщина. Слова повисли в воздухе. — Иират действительно был проводником, фокусной точкой для определённого вида резонансной энергии. Он усиливал желание, отчаяние, страх. Он питался ими. И он был вратами. Другие, его сеть, стремились воспроизвести его эффект, создать каскад нестабильности, который в конечном итоге привёл бы... ну, к тому, что он задумал.

Костяшки пальцев Марии побелели, когда она сжимала телефон. — И они всё ещё ищут его? Его... наследие?

— Именно. Они ищут то, что он оставил после себя, пути, которые он открыл. Блокнот Марка, это ключ. Его сны, его страхи, все они были паттернами. Он видел больше, чем знал, больше, чем хотел знать. Ты, Мария, у тебя есть способность видеть эти паттерны тоже. Тебе просто нужно научиться интерпретировать шум, аномалии.

— Аномалии, — эхом отозвалась Мария. Слово казалось неадекватным для катаклизма, который предвидел Марк, для силы, которая поглотила его. — Какие аномалии?

— Ищи возмущения, эффекты ряби. Там, где реальность кажется... тонкой. Прислушивайся к шёпоту. Это не всегда буквальное голоса, не всегда. Это эхо намерений, тонкие течения, которые выдают направленную волю. Сеть Иирата действует через влияние, через подталкивание мира к предопределённому результату. Они не вызывают катастрофы, они их конструируют. — Голос женщины понизился, приобретая более срочный тембр. — Они охотятся на уязвимых, на отчаявшихся. Они ищут людей, которые уже находятся на грани срыва, и подталкивают их. Или они создают условия, которые подталкивают их.

Мария подумала о Марке. О чистом, невыносимом весе его видений. Его не подталкивали; его топили. Он пытался бороться с приливом, и он унёс его.

— И как мне их найти? — спросила Мария. Голос был едва слышен. Город за окном, казалось, затаил дыхание.

— Ты уже начала. Ты ищешь. Ты слушаешь. Ты не боишься встретиться лицом к лицу с тьмой, даже когда она оставила после себя пустоту, подобную пустоте Марка. Сообщники Иирата коварны. Они действуют в тихих местах, там, где зарождается страх. Обращай внимание на совпадения, которые кажутся слишком... удобными. На несчастные случаи, которые кажутся слишком постановочными. На отчаяние, которое, кажется, расцветает из ниоткуда.

Мария закрыла глаза, представляя набросок снова. Библиотека. Место тихого созерцания, общих знаний. Теперь место преступления. Место, где был Иират, где он строил планы. — Библиотека истекает кровью, когда смещается узел связи. — Кровотечение. Метафора? Или что-то более буквальное, искажение в ткани этого конкретного места?

— Есть ли кто-нибудь ещё? — спросила Мария. — Кто-нибудь, с кем я могу поговорить? Кто-нибудь, кто знает больше?

Ещё одна пауза, на этот раз более долгая. — Есть другие, кто мельком видел края этой сети. Но их мало, и они недоверчивы. Доверие — это роскошь, которую мы больше не можем себе позволить. Во многих отношениях ты предоставлена сама себе. Но ты не одинока в понимании. Марк понимал, по-своему. И теперь ты тоже понимаешь. — Голос женщины стал отдалённым, как будто затихая в статическом гуле. — Будь осторожна, Мария. Наследие Иирата — опасное наследство. Они будут искать кого-то, кто займёт его место, кого-то с его... потенциалом. Не позволяй этому стать тобой.

Линия оборвалась. Мария опустила телефон. Рука слегка дрожала. Тишина квартиры снова сдавила, тяжелее теперь, заряженная новым видом угрозы. Квартира Марка, убежище его страха, была теперь её стартовой площадкой. Она посмотрела на блокнот, на грубый рисунок библиотеки. Библиотека. Это было место знаний, исследований. Возможно, подумала она, это также было место, чтобы начать.

Она взяла свою собственную сумку. Элегантную, практичную вещь, резко контрастирующую с хаотичным беспорядком жизни Марка. Взяла свои ключи. Гладкий металл был прохладным на коже. Город манил. Не как равнодушный организм, а как охотничье угодье. Она была не Марком. У неё не было его сырого, непрошенного предвидения, его ужасающей интуиции, которая ощущалась как сдирание кожи заживо. Но у неё были его записи. Были холодные, жёсткие факты. И был прагматизм, граничащий с безжалостностью. Если сеть Иирата действительно была серией взаимосвязанных узлов, то разрушение одного, даже такого проводника, как Иират, оставит рябь. А Мария была очень хороша в отслеживании ряби.

Она направилась к двери. Шаги были размеренными, обдуманными. Мир снаружи был спасён. Хрупкий мир, заключённый ценой, которую она всё ещё пыталась осмыслить. Но мир был иллюзией. Тонкой вуалью над более глубокой, более коварной угрозой. Марк закончил свою историю, но история Марии только начиналась. Она была не сновидицей, не провидицей, обременённой видениями. Она была решателем проблем. И у неё была сеть проблем, которые нужно было решить.

Когда она открыла дверь квартиры, сквозняк спёртого воздуха коснулся её лица. Она остановилась на мгновение, позволив своему взгляду скользнуть по комнате. Последний, почти неохотный осмотр пространства, которое вмещало так много боли Марка. Она увидела выброшенные кофейные чашки, открытые книги, общую атмосферу распадающейся жизни. Затем она вышла, закрыв за собой дверь с решительным щелчком.

Коридор был тусклым. Тишина здесь была другой — менее заряженной личным горем и больше анонимным гулом здания. Она двинулась к лифтам, шаг ускорился. Библиотека была очевидным местом для начала. Это было там, где Марк нашёл Марию, где проявились материальные доказательства их общих способностей. Это также было, согласно каракулям Марка, место, где «сместился» узел, место, которое «истекало кровью». Если сеть действовала через тонкие манипуляции, через создание условий для хаоса, то библиотека, центр информации и человеческого собрания, была бы главной целью для такого влияния. Возможно, последний акт Иирата, его оркестрованная конфронтация с Марком и Марией, был средством дестабилизировать этот «узел» до того, как его устранили. Или, возможно, его смерть вызвала смещение.

Двери лифта с шипением открылись, открывая стерильный, зеркальный интерьер. Мария шагнула внутрь, нажав кнопку первого этажа. Спуск был быстрым, размытием отражённого света и её собственного решительного выражения лица. Ею двигала не отчаянная потребность сбежать от мучений, как Марка. Ею двигало холодное, ясное понимание ставок. Она видела, что неконтролируемая сила может сделать, разрушения, которые она может высвободить. Марк был жертвой этой силы, затем оружием против неё, и наконец, её жертвой. Она не будет жертвой. Она будет архитектором её сдерживания.

Выйдя в оживлённое фойе, Мария почувствовала знакомый прилив энергии города. Люди двигались с целью. Лица сосредоточенные, разумы, вероятно, заняты обыденными заботами. Они были неосведомлёнными, необременёнными. И они были самыми уязвимыми. Женщина на том конце провода упомянула, что сообщники Иирата ищут «его наследие». Что это вообще означало? Не только его силу, но и его методы? Его сеть влияния? Они активно вербовали, или они стремились воспроизвести его разрушительное влияние своими собственными средствами?

Мария затянула куртку плотнее. Маленький жест против невидимого холода. Ей нужно было вернуться в библиотеку. Не просто как в место, а как в концепцию. Узел связи. Она перечитает записи Марка, сосредоточившись на этих загадочных фразах. *Библиотека истекает кровью, когда смещается узел связи.* Что означало «истекает кровью»? Буквальный разрыв в реальности? Всплеск психической энергии? Или просто точка, где секреты, как кровь, выливаются наружу?

Она вышла на яркий, жёсткий солнечный свет. Звуки движения и отдалённых сирен омыли её. Мир всё ещё вращался, не подозревая о предотвращённом апокалипсисе. Но для Марии вращение приобрело новый, тревожный ритм. Она была больше не просто участницей; она была хранительницей. И первый шаг в защите — это понимание врага. А этот враг, подозревала она, был гораздо сложнее и гораздо коварнее, чем сам Иират. Они были архитекторами отчаяния, ткачами хаоса. И они искали новый ткацкий станок.

Мария поймала такси. Знакомый жест был странно заземляющим. Когда она устроилась на потертом сиденье, она почувствовала тонкий сдвиг в воздухе. Едва заметную дрожь под поверхностью обыденного. Это было похоже на слабый статический шум в сознании, низкое гудение, которое не совсем было звуком. Аномалии. Шёпот. Она сосредоточилась на нём, пытаясь пробиться сквозь сенсорную перегрузку города. Было слишком рано, чтобы идентифици-

ровать что-то конкретное, слишком расплывчато. Но это было там. Намёк. Зарождающееся возмущение. Охота началась. Ей просто нужно было научиться читать знаки. Последний дар Марка ей был не бременем, а картой, хотя и написанной загадками и омрачённой отчаянием. Она расшифрует её. Она должна была. Альтернативой был мир, который, возможно, не удастся спасти во второй раз.

Drømmen om den andre

«Быть не человеком, а проекцией чужого сна — какое несравненное унижение, какое головокружение!» — Хорхе Луис Борхес, «Круглые руины»

Такси пахло застоявшимися сигаретами и отчаянием. Мария смотрела, как огни города размываются в потоке. Каждый из них был крошечным, мерцающим маяком в надвигающихся сумерках. Сообщение матери, простое «Ты в безопасности?», было шоком. Напоминанием об обычной жизни, из которой её вырвали. О жизни, которую Марк так отчаянно пытался вернуть. Он преуспел, в некотором смысле. Он вернул ей мир, но ценой своей собственной жизни.

Она прижимала к коленям потрёпанный блокнот Марка. Это была грязная, безумная вещь, полная нацарапанных диаграмм, фрагментированных мыслей и леденяще точных деталей его видений. Последняя запись, нацарапанная рукой, которая дрожала больше, чем остальные, содержала загадочный номер телефона и несколько поспешно набросанных строк о «сети» и «наследии». Голос женщины на том конце был пугающе спокоен, как у опытного хирурга, обсуждающего рутинную операцию. Иират был не просто волком-одиночкой; он был симптомом чего-то большего, чего-то коварного. Сети. И он искал преемника.

Её костяшки пальцев побелели, когда она сжимала блокнот. Библиотека. Блокнот Марка указывал туда. Это было там, где он впервые нашёл её, в том дезориентирующем сне, а затем в суровой реальности падающей штукатурки и разбитого стекла. Это казалось правильным. Местом знаний, потенциальным узлом связи для того, что строил Иират. Аномалия. Шёпот. Слова женщины эхом отзывались в её уме.

Мария сканировала указатели улиц. Взгляд был острым, выискивая что-то необычное, любую рябь в ткани обыденного. Такси остановилось перед внушительным гранитным зданием городской библиотеки. Даже в сгущающейся темноте она возвышалась, памятник тихому созерцанию и забытым историям. Мария заплатила водителю. Движения были немного слишком жёсткими, внимание полностью обращено внутрь. Городской воздух здесь был прохладнее, он нёс запах старых книг и влажной земли из маленького парка, примыкающего к библиотеке. Она толкнула тяжёлые дубовые двери. Знакомый звон колокольчика над головой звучал странно глухо.

Огромный главный зал был в основном пуст, он купался в тусклом свете стратегически расположенных ламп. Тишина была глубокой, резким контрастом с безумным хаосом последних нескольких дней. Смерть Марка снова воспроизводилась в её сознании — оглушительный грохот выстрела, стук его тела, кровь, расцветающая на его груди. Она убила Иирата. Это её рука нажала на курок, но его пуля нашла Марка. Мрачный обмен.

Мария пошла глубже в библиотеку. Шаги эхом отдавались на полированном мраморном полу. Она вспомнила сон, тот, где Марк вселился в её тело. Клаустрофобия угрозы Иирата, тикающие часы бомбы, отчаянный порыв воли Марка, проходящий через неё. Она чувствовала это. Тот первобытный инстинкт выжить, сражаться. А затем леденящая ясность того, как её собственная рука поднимает пистолет, стреляет.

Теперь она бодрствовала, и опасность была не во сне. Это была сеть. Наследие. Она оставалась, проводя рукой по полке с книгами в кожаном переплёте. Корешки были украшены золотым тиснением, которое поблёскивало в тусклом свете. С чего ей вообще начать? Записки Марка были дорожкой из хлебных крошек, а не картой.

Она пошла к справочному отделу. Тому отделу, где они с Марком действительно впервые встретились. Воздух здесь казался тяжелее, заряженный тонким беспокойством, которое покалывало её кожу. Это была интуиция. Шёпот с краёв её восприятия, похожий на статику

на радио, настроенном на фантомную частоту. Она вспомнила люстру. Тошнотворный скрип, внезапное, яростное падение. Оркестровал ли это тоже Иират? Была ли каждая почти трагедия тщательно расставленной деталью в его грандиозном замысле?

Мария нашла уединённую нишу. Запах старых книг здесь был сильнее всего. Она снова открыла блокнот Марка, пролистывая страницы в поисках любой детали, которую могла упустить. Его обычно такой аккуратный почерк становился всё более неровным по мере продвижения записей, свидетельствуя о его распадающемся разуме. Там были наброски созвездий, математические уравнения, отрывки текста на языках, которых она не знала. Он пытался нанести всё на карту, найти узор в безумии.

Она закрыла глаза, пытаясь вновь пережить то состояние сна, то обострённое восприятие. Женщина на том конце провода сказала искать аномалии. Что является аномалией в таком месте, как это? Неправильно положенная книга? Необычная тишина? Мерцание неисправной лампы? Это казалось слишком расплывчатым, слишком абстрактным, чтобы быть полезным.

Затем она почувствовала это. Тонкое изменение давления воздуха, едва заметная дрожь под ногами. Это было похоже на слабую вибрацию, резонансное гудение, которое, казалось, исходило откуда-то из глубины структуры библиотеки. Она чувствовала что-то подобное на улице раньше, мимолётное ощущение возмущения, и отмахнулась от этого как от собственных измотанных нервов. Но здесь, в тихом сердце библиотеки, это было неоспоримо.

Мария встала. Чувства были на пределе. Она двигалась медленно, намеренно, отслеживая источник вибрации. Казалось, она вела её прочь от главных отделов, к менее посещаемому крылу, где хранились архивные материалы и краеведческая литература. Свет становился тусклее, проходы уже. Пылинки танцевали в лучах света, проникающих через высокие арочные окна. Она прошла мимо рядов забытых томов, их переплёты потрескались и выцвели. Вибрация усилилась. Низкое гудение, которое было почти физическим ощущением. Казалось, что-то просыпалось, или, возможно, его будили.

Она добралась до конца прохода, в тупик. Но вибрация была сильнее всего здесь. Она провела руками по стене, чувствуя шероховатую текстуру камня. Затем её пальцы наткнулись на то, что не было камнем. Небольшое углубление, почти незаметное. Шов в иначе сплошной стене. Она нажала сильнее, и часть стены, искусно замаскированная под часть стеллажа, мягко, с пневматическим шипением, ушла внутрь.

Дальше был узкий проход, темнее самой библиотеки. Воздух внутри был густым и неподвижным. Вибрация пульсировала из этого скрытого коридора, сильнее теперь, почти гудя в зубах. Это была аномалия. Ясная, неоспоримая аномалия. И она вела к... чему?

Мария колебалась долю секунды. Она была одна. У неё не было оружия, не было поддержки. Только блокнот Марка и растущее чувство страха. Но голос женщины снова эхом отозвался в её уме: «Иират был проводником. Он стремился передать своё наследие». Наследие, которое могло означать глобальное уничтожение. Она не могла повернуть назад. Не сейчас.

Сделав глубокий вдох, Мария шагнула через скрытый дверной проём. Проход запечатался за ней снова с другим мягким шипением, погрузив её в почти полную тьму. Гудение становилось громче, мощная резонансная частота, которая, казалось, вибрировала в её самых костях. Оно чувствовалось древним, мощным и совершенно чуждым. Она чувствовала это в своём сознании, дезориентирующее давление, которое грозило подавить её. Это была не просто скрытая комната; это было что-то ещё. Источник силы. Узел. И она шла прямо в его сердце.

Она порылась в кармане, пальцы сомкнулись вокруг телефона. Она включила фонарик. Луч прорезал тонкую, шаткую дорожку сквозь гнетущую тьму. Проход расширялся в большее пространство, круглую камеру со стенами, которые, казалось, поглощали свет. В центре комнаты, подвешенный невидимыми силами, находился сложный, пульсирующий артефакт. Он был сделан из материала, которого она никогда раньше не видела, тёмного и металлического, но он, казалось, смещался и мерцал с внутренней люминесценцией. Сложные узоры, напоми-

нающие схемы или мистические символы, пульсировали на его поверхности. Гудение исходило от этого объекта. Глубокий, резонансный гул, который говорил об огромной, сдерживаемой силе.

Дыхание Марии перехватило. Это было это. Это было сердце сети Иирата. Наследие.

Она почувствовала странное притяжение к артефакту. Болезненное очарование, смешанное с чистым ужасом. Он казался живым, разумным, его энергия излучалась наружу, сиреновой песнью власти. Она поднесла блокнот Марка, пытаясь расшифровать нацарапанные диаграммы, найти любую зацепку, которая могла бы объяснить, что она видит. Один набросок, в частности, привлёк её внимание. Это было грубое изображение кристаллической структуры, с линиями энергии, исходящими из неё. Под ним, нацарапанным безумной рукой Марка, были слова: *«Резонансный двигатель. Усиливает намерение. Проявляет сны»*.

Проявляет сны. Вот оно. Этот артефакт был тем, что позволяло Иирату манипулировать реальностью, преодолевать разрыв между мыслью и последствием.

Пока она изучала блокнот, в пульсирующем артефакте произошёл слабый, почти незаметный сдвиг. Один из символов на его поверхности начал светиться ярче, затем другой. Он реагировал на её присутствие, на её намерение. Мария почувствовала прилив паники. Она была аномалией, да, но она также была угрозой.

Внезапно гудение усилилось, став почти невыносимым. Огни в камере беспорядочно замерцали. Мария отшатнулась. Рука инстинктивно потянулась к телефону, как будто он мог как-то отразить эту чуждую силу. Ей нужно было выбраться, сообщить об этом. Но когда она повернулась, её нога за что-то зацепилась на полу. Она посмотрела вниз. Это была шаткая плитка, слегка приподнятая над полированным полом. Она подвинула её ногой, и она сдвинулась, открывая тёмную нишу снизу. Любопытство и отчаянная потребность в ответах заставили её исследовать. Она опустилась на колени. Луч фонарика осветил пространство. Внутри ниши лежал небольшой металлический цилиндр, покрытый символами, зеркально отражающими те, что были на артефакте. Он выглядел как устройство хранения данных или, возможно, компонент.

Когда её пальцы потянулись к нему, слабый, почти неслышимый шёпот, казалось, проскользнул сквозь воздух. Это был не звук, точнее, мысль, имплантированная прямо в её разум. — Наследие... твоё, чтобы принять...

Мария замерла. Рука зависла над цилиндром. Голос был холодным, лишённым эмоций, но пропитанным неоспоримой злобой. Это был голос Иирата, или чего-то, что говорило через него. Шёпот из сети, протягивающийся к ней.

Она схватила цилиндр. Сердце колотилось в бешеном ритме. Это было то, что она искала. Материальное доказательство. Ключ. Но артефакт снова пульсировал, на этот раз более яростно. Символы на его поверхности вращались быстрее. Давление в её голове усилилось, головокружительная волна дезориентации. На ужасное мгновение комната, казалось, накренилась, стены расплылись в вихрь света и тени.

Она почувствовала мимолётное ощущение, фантомное эхо присутствия Марка. Призрачный шёпот его страха. Он был здесь. Он знал об этом месте. Он боролся против этого. И теперь она была здесь, одна, с частью его опасной силы в руке.

Артефакт стабилизировался. Его пульсации вернулись к устойчивому гудению. Но воздух в камере изменился. Он стал холоднее, тяжелее, как будто что-то невидимое вошло в пространство вместе с ней. Мария поспешила обратно к скрытому дверному проёму. Руки лихорадочно искали механизм открытия. Она нашла шов, нажала на него, и панель с шипением открылась, открывая тускло освещённый проход библиотеки.

Она вырвалась обратно в знакомые ряды книг, задыхаясь. Цилиндр был крепко зажат в руке. Библиотека казалась... другой. Тишина больше не была мирной; она была беременна невидимыми возможностями. Воздух потрескивал от остаточной энергии. Она оглянулась на

скрытую панель. Разум был в смятении. Сеть Иирата. Резонансный двигатель. И теперь у неё была его часть. Женщина на том конце провода сказала искать аномалии. Она нашла одну. Огромную. И наследие... было ли оно Иирата, чтобы передать, или её, чтобы контролировать?

Вес этого вопроса тяжело лёг на её плечи. Она взглянула на блокнот Марка, затем на цилиндр в руке. Он пытался остановить это. Теперь это было за ней. И у неё было предчувствие, что борьба далека от завершения. Шёпот в библиотеке был только началом.

Vennens drømmeløse natt

«Там я засыпал тем глубоким и освежительным сном, которым может засыпать только юноша, испытавший сряду несколько дней тряской и бессонной дороги». — Иван Тургенев, «Накануне»

Пальцы Марии, всё ещё слабо липкие от странного металлического корпуса артефакта, прослеживали тиснёную кожу блокнота Марка. Библиотека теперь была склепом тишины. Эхом отдающиеся ударные волны выстрелов и фантомное гудение Резонансного двигателя всё ещё вибрировали в воздухе, или, возможно, просто в её костях. Она бежала из скрытой камеры, как призрак, сжимая цилиндр. Вес его был холодной, твёрдой уверенностью на ладони. Шёпот Иирата, предлагающий наследие, которого она не понимала, был ядовитым эхом в тишине.

Она снова была в огромном читальном зале. Лучи позднего полуденного солнца проникали сквозь величественные арочные окна, раскрашивая полосы пылинок на пустынных столах. Стерильный запах старых книг и лимонного воска мало маскировал медный привкус пролитой крови, который всё ещё слабо витал в воздухе. Призрак недавней, жестокой развязки. Марк. Изображение его, глаза широко распахнутые в последнем, отчаянном освобождении, промелькнуло за её веками. Его жертва. Его выбор. И теперь, это. Этот цилиндр. Этот блокнот. Это... наследство.

Сообщение её матери, обычный вопрос об ужине, ощущалось как сообщение из другого измерения. *Где ты? Скоро будешь дома?* Как она могла объяснить? «Привет, мам, я только что стала свидетелем конца света, а затем начала чего-то совершенно иного, и теперь у меня есть загадочный артефакт и дневник мёртвого друга».

Она опустила на плюшевое бархатное кресло. Потёртая ткань была прохладной на коже. Её взгляд упал на маленький, сколотый угол стола, где она впервые встретила Марка, где люстра качалась. Фантомная дрожь прошла по ней. Это было бремя Марка. Бремя видения. И теперь, казалось, оно было её.

Блокнот. Она открыла его. Страницы были хаотичным водоворотом наблюдений, безумных каракуль и леденяще точных набросков. Ранние записи были заполнены разрозненными фрагментами его снов, повторяющимися мотивами, растущим страхом. Бетонная плита. Падающий ребёнок. Женщина в красном шарфе. А затем, леденяще, *смех Лиамы*. Воспоминание о сыром горе Марка, о полной беспомощности в его глазах, когда Лиам умер, терзало её. Теперь она понимала его отвращение к этой силе, чистый ужас быть свидетелем неминуемой гибели.

Она перевернула страницу. Текст становился более безумным, более отчаянным. Дни без сна. Пустой, выжженный взгляд его глаз. Тревожные отчёты о самоубийствах, о жутком совпадении с его «провалами в снах». Он пытался бороться с этим. Он пытался убежать от этого. И это поглотило его.

Затем появилась библиотека. Её библиотека. Сны, которые привели его сюда. Люстра. Её спасение. Их встреча. Его первоначальное облегчение, робкая надежда на то, что он не один. Она вспомнила, как загорелись его глаза, на мимолётное мгновение, когда она призналась в своих собственных способностях. Проблеск понимания в мире, который стал непостижимым.

Она остановилась на странице, заполненной сложными диаграммами, геометрическими фигурами и аннотациями, которые выглядели как иностранный язык. Она узнала некоторые из символов из камеры Резонансного двигателя, мистических знаков, которые пульсировали чуждой энергией. Это было за пределами простого пророчества. Это было... что-то иное. То, что Иират пытался использовать. То, что он предложил ей.

Её большой палец коснулся свободного листа, засунутого глубоко в переплёт. Это был набросок, грубый, но узнаваемый: главный вход в библиотеку, винтовая лестница, абонемент. Рядом с ним, написанный от руки номер телефона. Ни имени, ни контекста. Просто строка цифр.

Город снаружи темнел, уличные фонари начинали расцветать, как искусственные цветы. Отдалённый вой сирены, знакомый звук, который когда-то сигнализировал об обычной чрезвычайной ситуации, теперь ощущался как похоронный звон. Она закрыла блокнот. Его вес опустился в желудке, как камень. Она должна была расшифровать это. Должна была понять, кем был Иират, что такое его сеть, и что это за цилиндр. Марк умер, чтобы остановить это. Она не могла позволить его жертве быть напрасной.

Её телефон завибрировал в кармане. Снова мать. *Всё ещё нет вестей? Волнуюсь.* — Я в порядке, — прошептала она пустой комнате. Голос был хриплым. — Просто... думаю.

Она посмотрела на цилиндр в другой руке. Он был прохладным на ощупь, пугающе гладким и совершенно не имеющим особенностей, если не считать слабого, почти незаметного шва, идущего по его длине. Она поднесла его к свету, ища любую надпись, любую подсказку. Ничего.

Ей нужна была помощь. Но кто? Она не могла пойти в полицию. Как бы она вообще начала объяснять? *Я нашла магический артефакт в секретной комнате в библиотеке после того, как человек, который управляет снами, попытался взорвать мир, а другой человек, который видит будущее, застрелился.* Её бы заперли.

Женщина на том конце провода. Та, что говорила о сети Иирата. Она не назвала себя, просто говорила с пугающим спокойствием о механике махинаций Иирата. Она упомянула «сообщников» и «наследие». Было ли это тем, чем было? Наследием?

Нерешительно она снова достала свой телефон. Номер. Она набрала его. Пальцы дрожали. Каждый гудок ощущался как удар её собственного бешено бьющегося сердца.

— Да? — Голос на том конце был тем же — спокойным, размеренным, лишённым удивления.

— Это Мария, — сказала она. Голос был едва слышен. — Из библиотеки.

Пауза. Недоумения, а... узнавания. — Я предполагала, что ты позвонишь.

— Я... я кое-что нашла, — продолжила Мария. Взгляд был прикован к цилиндру. — Он предложил мне наследие. И есть эта... штука. Цилиндр.

— Ах, да. Проводник. — Голос женщины был деловитым, как будто она обсуждала не туда положенные ключи. — Иират был просто фокусной точкой, проводником для сети, которая оркестровала события десятилетиями. Его главной целью был «ядерный каскад». Не просто одна бомба, понимаешь. Цепная реакция. Глобальный коллапс, инициированный слиянием дестабилизирующих событий, которые он тщательно курировал.

Дыхание Марии перехватило. Ядерный каскад. Видение Марка. Это было настолько больше, настолько зловещее, чем она могла себе представить. — И он... он контролировал сны?

— В некотором смысле, — ответила женщина. — Он мог влиять на них, усиливать их, даже проявляться внутри них. Он охотился на уязвимых, на амбициозных, на напуганных. Он искажал желания, усиливал паранойю. Он был мастером манипуляции восприятием. И ты, Мария, ты, кажется, обладаешь... резонансом. Естественной предрасположенностью. Вот почему он нацелился на тебя.

— Но он мёртв, — сказала Мария. Слова были на вкус как пепел. — Марк убил его. Во сне. А затем... я убила его. По-настоящему.

— Действительно. Довольно грязное, но эффективное разрешение этого конкретного вопроса, — признала женщина. — Но Иират никогда не был архитектором. Он был инстру-

ментом. Весьма эффективным, но всё же инструментом. Сеть обширна. Его сообщники всё ещё... активны. И они будут искать его наследие. Проводник.

Хватка Марии на цилиндре усилилась. — Что мне делать?

— Ты должна понять, что нашла. Цилиндр — это больше, чем просто символический знак. Это компонент. Ключ. У Иирата было много таких компонентов, спрятанных, ожидающих. Они были частью его грандиозного замысла, способом... получить доступ к определённым частотам. Определённым энергиям.

— Энергиям? — Мария почувствовала головокружительное чувство, что дрейфует в море непостижимых сил.

— Сеть стремится дестабилизировать, создать хаос, питаться последующим отчаянием. Они питаются страхом перед будущим. Они — архитекторы «аномалий». Шёпот в статике. Тени на краю твоего зрения. Ты должна искать их, Мария. И ты должна быть бдительной.

Бдительной. Она подумала о последних мгновениях Марка, о мучительном решении выбрать забвение вместо ответственности. Он видел бесконечное будущее, бесконечную борьбу. Было ли это её будущим теперь?

— Как мне... найти их?

— Они найдут тебя, если ты будешь готова. Их привлекают точки значительного потока. Места, где завеса между тем, что есть, и тем, что может быть, тонка. Места вроде... ну, вроде этой библиотеки.

Глаза Марии снова метнулись к большому залу. Библиотека. Она была узлом всего. Сны, конфронтация, конец. И теперь, начало. — Библиотека, — повторила она. Дрожь пробежала по спине.

— Там есть... резонанс, — подтвердила женщина. — Затянувшееся эхо усилий Иирата. Ты можешь найти... больше.

Мария отключила звонок. Тишина библиотеки снова сдавила её. Она встала. Цилиндр казался тяжелее теперь, заряженный новым, ужасающим значением. Сеть. Сообщники. Наследие. Аномалии. Шёпот. Это был язык, который она только начинала изучать.

Она пошла обратно к главному входу. Шаги были пугающе громкими на полированном полу. Небо снаружи потемнело до чернильно-синего, звёзды начинали прокалывать дымку. Она остановилась на краю большого зала, оглядываясь назад, на тёмные, затенённые секции,

где лежала скрытая камера. Слабая вибрация, казалось, гудела под её ногами. Низкое гудение, которое не имело ничего общего с фоновым шумом города. Оно было тонким, почти незаметным, как секретный пульс.

Она посмотрела на стену, на твёрдый, неподатливый камень возле абонементов. Раньше это была просто стена. Теперь... теперь она ощущалась иначе. Она ощущалась... пористой. Как мембрана.

Ведомая инстинктом, который она не могла объяснить, отчаянной потребностью понять, она пошла к нему. Она провела рукой по прохладному камню, ища. Её пальцы наткнулись на участок, который был более гладким, чем остальные, почти так, как если бы это был искусно замаскированный шов. Она нажала. Ничего. Она нажала сильнее, навалившись на него всем телом.

В тишине раздался слабый щелчок. Появилась волосая трещина, затем расширилась, открывая не сплошной камень, а тёмный, зияющий проём. Скрытый проход. Её сердце бешено заколотилось. Это было это. Женщина была права. Библиотека. В ней было что-то ещё.

Она сделала глубокий вдох. Металлический привкус цилиндра всё ещё был на пальцах. Она сжала его крепче, единственную материальную связь с хаосом, который только что вернулся. Затем, с приливом адреналина и отчаянным чувством цели, она шагнула во тьму, в следующую главу незаконченной истории Марка.

Воздух внутри прохода был спёртым и холодным, он нёс запах влажной земли и чего-то ещё... чего-то металлического и древнего. Её шаги эхом отдавались, когда она углублялась. Цилиндр был бледным маяком в её руке. Проход сужался, извиваясь и поворачиваясь, грубо высеченные стены давили на неё. Низкая вибрация, которую она чувствовала раньше, стала сильнее. Резонансное гудение, которое, казалось, исходило из самой земли под её ногами.

Оно привело её к небольшой круглой камере, вырезанной в скале под библиотекой. Стены были скользкими от конденсата, а воздух был густым от осязаемой энергии. Гудения, от которого волосы на руках встали дыбом. И в центре камеры, залитая жутким, самогенерируемым свечением, стояла машина.

Это было устройство из полированных, соединённых между собой металлических колец и пульсирующих кристаллических узлов. Сложная, инопланетная машина, которая, казалось, бросала вызов обычной физике. Она гудела с силой, которая была одновременно соблазнительной и ужасающей. Низким, гортанным пульсом, который резонировал глубоко внутри костей Марии. Резонансный двигатель. Она знала с пугающей уверенностью, что это то, что Иират пытался контролировать. Это было сердце силы его сети.

Её взгляд скользнул по камере, ища что-нибудь ещё, любую другую подсказку. Глаза остановились на небольшой, утопленной нише, вырезанной в каменной стене, прямо напротив Резонансного двигателя. Внутри неё лежал другой объект. Меньше, чем двигатель, но сделанный из того же тёмного, неидентифицируемого металла, что и цилиндр в её руке. Это был металлический цилиндр, идентичный по форме и размеру тому, которым она уже владела.

Когда она потянулась к нему, шёпот, слабый и коварный, коснулся её уха. Это было похоже на шорох сухих листьев, звук, который, казалось, исходил отовсюду и ниоткуда.

— Возьми это. Прими наследие. Стань проводником. Стань... чем-то большим.

Голос. Это был голос Иирата. Не воспоминание, а настоящее эхо. Он всё ещё был здесь, в какой-то форме. Предлагая ей путь, который он пытался проложить. Путь силы. Путь разрушения.

Её рука замерла, зависнув над вторым цилиндром. Искушение было сиреновой песнью, обещанием понимания, контроля. Но затем она увидела лицо Марка. Его последний акт отчаянного освобождения. Он отверг бремя, принял свободу в смерти. Не для того ли он умер, чтобы помешать ей стать такой?

С приливом решимости Мария схватила второй цилиндр. Он был холодным, инертным, но каким-то образом беременным невысказанной силой. Она повернулась. Глаза впились в пульсирующее сердце Резонансного двигателя, затем снова ко входу в скрытый проход. Шёпот Иирата утих, сменившись стуком её собственного решительного сердца. У неё были проводники. У неё был блокнот Марка. У неё была ответственность, которой она не просила. Но она не станет тем, что он предлагал. Она поймёт. И она будет бороться.

Она повернулась и побежала, зажав металлические цилиндры. Гудение Резонансного двигателя затихало позади, когда она выбралась обратно в гнетущую тишину библиотеки.

Drømmen som ble mareritt

«В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью». — Фёдор Достоевский, «Преступление и наказание»

Металлический цилиндр ощущался пугающе прохладным на коже Марии. Резким контрастом с липкой жарой, которая распустилась на её ладони. Шёпот голоса Иирата, сухой и шуршащий, как мёртвые листья, всё ещё эхом отдавался в камерах её разума. Фантомное эхо, наложившееся на безумное биение её собственного сердца. — Наследие. — Само слово было заразным, обещанием силы, пропитанным неоспоримым зловонием разложения. Она сжала цилиндр крепче. Костяшки побелели. Его вес был на удивление значительным. Он был тяжелее, чем казался, тяжелее всего, чего она ожидала.

Она бежала из круглой камеры, от пульсирующего артефакта, от Резонансного двигателя, как будто за ней гнался призрак. Что, в некотором смысле, и было. Её шаги были безумной барабанной дробью по каменному полу, когда она пробиралась обратно через скрытый проход, зажав второй цилиндр в кулаке. Потрёпанный блокнот Марка был оплотом против надвигающейся тьмы неизведанного. Она прошла по лабиринтным стеллажам библиотеки. Знакомый запах стареющей бумаги и пыли был внезапным утешением, заземляющим якорем в буре её реальности.

Теперь она стояла в главном читальном зале. Лучи полуденного солнца проникали через высокие окна, рисуя золотые полосы на полированном дереве. Обманчивое спокойствие, которое ощущалось как насмешка.

Городская библиотека. Когда-то убежище тихого знания, она стала полем битвы, узлом сил, которые она только начинала постигать. Блокнот Марка, засунутый обратно в её сумку, ощущался как бомба замедленного действия. Каждая страница была свидетельством предостережения будущего и настоящего, безвозвратно изменённого.

Она провела безумные моменты после своего побега из камеры, перечитывая некоторые отрывки. Глаза горели, разум изо всех сил пытался примирить случайные наблюдения с сокрушительными откровениями. Тщательные, почти одержимые записи Марка о библиотеке, грубый набросок предполагаемого местоположения Иирата и едва различимый номер телефона. Она набрала его немедленно. Рука дрожала. Голос, пугающе спокойный и профессиональный, ответил.

— Глобальная инициатива реагирования на аномалии. Чем могу помочь?

Голос женщины был спасательным кругом. Резким, фактическим контрапунктом к прозрачным шёпотам и ужасающим видениям. Она объяснила с пугающим отсутствием эмоций, что Иират был «проводником». Не просто случайным манипулятором, а узлом в сети. Сети, которая активно стремилась к «ядерному каскаду». Последствия были ошеломляющими. Речь шла не просто об отдельных жизнях или даже региональных конфликтах. Речь шла о глобальном уничтожении, тщательно оркестрованном. Иират, как она узнала, имел талант использовать трещины в сознании людей, вплетать своё коварное влияние в их сны, охотиться на уязвимых, превращать их страхи в своё оружие. И теперь его сообщники, его сеть, всё ещё были там, ища его «наследие».

— Аномалии и шёпот, — инструктировала женщина. Голос был низким гулом. — Ищи трещины. Слушай тишину.

Взгляд Марии скользнул по теперь уже пустому читальному залу. Библиотекари, привыкшие к приливу и отливу студентов и исследователей, давно уже собрали вещи и ушли.

Дневная работа была сделана. Тишина теперь была глубокой, тяжёлым одеялом, приглушающим отдалённый гул города. Она почти слышала призраков разговоров, шелест страниц, тихие вздохи созерцания. Но под всем этим она чувствовала это. Тонкую вибрацию. Резонанс, который исходил не от самого здания, а от чего-то глубоко в его фундаменте.

Она проследила свои шаги. Чувства были на пределе. Металлический цилиндр был постоянным присутствием в её руке. Она снова оказалась притянутой к той секции стеллажей, где впервые обнаружила скрытый проход. Она провела пальцами по корешкам книг. Шероховатая текстура бумаги была знакомым ощущением. Но на этот раз она искала что-то большее. Не информацию, а дрожь. Диссонанс.

Затем она почувствовала это. Слабое, почти незаметное гудение под её кончиками пальцев, исходящее от самой стены за книжными полками. Это было похоже на низкочастотный гул, пульс, который резонировал с дрожью, которую она чувствовала в камере. Она надавила на полки. Мышцы напряглись, но они были неподвижны, встроены в саму структуру библиотеки.

Блокнот Марка. Она возилась с ним. Дыхание перехватило. Грубый набросок. Он указал на определённый раздел, определённое расположение книг. Она переставила их. Движения были неуклюжими от спешки. С мягким щелчком секция книжного шкафа повернулась внутрь, открывая не другой проход, а тёмную, углублённую нишу. Она была меньше, чем она ожидала, больше похожа на ползкое пространство, чем на туннель. Воздух внутри был застойным, густым от запаха, который она не могла точно определить — металлический привкус, смешанный с чем-то едким, вроде жжёного озона.

Нерешительно она заглянула внутрь. Пылинки танцевали в слабом свете, проникающем из главного зала. Ниша была короткой, ведущей к грубо высеченному отверстию. Она опустилась на четвереньки. Блокнот Марка был спрятан под её рукой, цилиндр всё ещё был зажат в правой руке. Она протиснулась сквозь отверстие, ободрав колени о грубый камень.

Она вынырнула в другую камеру. На этот раз больше, воздух прохладнее и чище, хотя всё ещё с тем странным запахом. Это явно был источник вибрации. В центре комнаты, на простом каменном пьедестале, находился артефакт. Резонансный двигатель. Он пульсировал мягким внутренним светом, калейдоскопом синих и зелёных оттенков, которые смещались и клубились, как захваченная туманность. Он был красивым. Пугающе красивым. Гудение, исходящее от него, было более заметным здесь, физическим ощущением, которое вибрировало в её костях.

Она приблизилась к нему осторожно. Взгляд был прикован к гипнотическому свету. Он казался древним, наполненным огромной силой. Затем её глаза упали на нишу, вырезанную в стене рядом с пьедесталом. И там был. Второй металлический цилиндр. Идентичный тому, что она держала.

Когда её пальцы потянулись к нему, голос, голос Иирата, скользнул в её разум. Больше не шёпотом, а леденяще ясным провозглашением.

— Ты нашла это. Наследие проводника. Возьми это. Это твоё право по рождению.

Мария отдернула руку, как будто обожглась. Наследие. Наследие Иирата. Это была не просто метафора. Это было физическое проявление. Второй цилиндр, ожидающий её. Её право по рождению. Слова эхом отдавались, пропитанные коварной привлекательностью власти. Той же власти, которая привела Иирата к оркестровке хаоса.

Она посмотрела на цилиндр в своей руке, затем на тот, что в нише. Две половинки целого. Два проводника.

Волна тошноты окатила её. Она была противоположностью Марка, его контрапунктом. Она была той, кто искал порядок, контроль, понимание. Это... это ощущалось как путь к чему-то гораздо более разрушительному. Марк ненавидел бремя, стремился сбежать от него через насилие, через самоуничтожение. Он видел свою силу как проклятие. Иират, с другой стороны, принял её, изказил. И теперь он предлагал ей тот же опьяняющий яд.

Она посмотрела на Резонансный двигатель. Его свет пульсировал с ритмом, который ощущался одновременно манящим и хищным. Она подумала о Марке, его отчаянной борьбе, его последнем, трагическом акте возвращения своей воли. Она подумала о Марии, человеке, которого Марк спас, о человеке, который теперь находился в самом сердце этого разворачивающегося кошмара. Она подумала о предотвращённом апокалипсисе, о хрупком мире, который висел на волоске.

Затем другая вибрация. Не гудение двигателя, а более резкое, более настойчивое гудение. Оно исходило из её сумки. Блокнот Марка. Она забыла, что оставила его открытым. Её глаза пробежали по последним записям, безумным каракулям, диаграммам. И затем она увидела это. Маленькая, почти незначительная деталь. Ещё один набросок. Этот был менее точным, больше похожим на поспешно нарисованную карту. На ней была показана библиотека, но также и второе место. Место, которое Марк, очевидно, посетил или намеревался посетить. И рядом с ним символ. Звездообразный взрыв.

Резонансный двигатель пульсировал, его свет усиливался. Второй цилиндр в нише, казалось, манил. Шёпот Иирата вернулся, шёлковое прикосновение. — Сеть ждёт своего нового лидера, Мария. Прими свою судьбу.

Но Мария больше не слушала Иирата. Она слушала Марка. Эхо его последних мыслей, отчаянных попыток, которые он предпринял, чтобы понять, предвидеть. Звездообразный взрыв. Это был не символ разрушения. Это был знак. Указатель.

Она посмотрела на второй цилиндр в нише, затем на тот, что в её руке. Она поняла. Это были не просто проводники силы; это были ключи. Ключи к пониманию сети, к её демонтажу. Иират предложил ей своё наследие, но Марк оставил ей карту.

С приливом решимости Мария засунула руку в нишу и взяла второй цилиндр. Он ощущался идентичным первому, холодным и тяжёлым. Материальным куском скрытой войны. Она держала их оба. Их поверхности были гладкими и бесшовными на её коже. Затем, повернувшись спиной к гипнотическому пульсу Резонансного двигателя, она проворно выбралась обратно через грубое отверстие. Голос Иирата утих до разочарованного шипения.

Она снова вынырнула в главную библиотеку. Теперь лучи полуденного солнца отбрасывали длинные искажённые тени. Тишина всё ещё была там, но она больше не была гнетущей. Она была беременна возможностью. Она была больше не просто свидетельницей. Она была участницей. И у неё была карта.

Она засунула второй цилиндр в свою сумку, рядом с блокнотом Марка. Его вес был постоянным, настойчивым напоминанием. Городские огни начали мерцать снаружи, когда спускались сумерки. Каждый из них был крошечным маяком в надвигающейся тьме. Путь впереди был неопределённым, полным опасностей, но впервые с тех пор, как она проснулась перед лицом ужасающей реальности своего дара, Мария почувствовала проблеск чего-то вроде цели. Жертва Марка, его отчаянный поиск свободы воли, не были напрасны. Он оставил ей бремя, да, но он также оставил ей оружие. И направление.

Drømmen om det uungåelige

«Слава богу, это только сон! — сказал он, садясь под деревом и глубоко переводя дыхание». — Александр Пушкин, «Руслан и Людмила»

Спёртый воздух больничной палаты лип к Марку. Густой от антисептического привкуса страха и металлического запаха свежепролитой крови. Он не спал с тех пор, как грузовик. Три дня. Каждый час был грызущей пустотой, отчаянной борьбой против надвигающейся тьмы, которая грозила поглотить его целиком. Его глаза, налитые кровью и подведённые усталостью, сканировали стерильные белые стены, как будто в поисках пути к отступлению, которого там не было. Ритмичное пиканье кардиомонитора у кровати Дэвида было постоянным, сводящим с ума пульсом против тишины. Дэвид, его друг, его сосед по комнате, его... поучительная история.

Разум Марка переигрывал сон. Зазубренный осколок памяти, который он не мог удалить. Ослепляющие фары, визг шин, тошнотворный хруст. Он видел это с пугающей ясностью — Дэвид, смеющийся, переходящий улицу, беззаботное пренебрежение к миру вокруг. Затем удар. Сон был таким ярким, таким реальным, что когда поступил звонок, безумный голос на том конце линии, Марк не был удивлён. Только опустошён. Его друг, тот, которого он только что ярко видел разбитым в своём воображении, был мёртв. И Марк знал. Он знал.

Он посмотрел на неподвижную форму Дэвида, закутанную в бинты, подключённую к симфонии машин, которые поддерживали его хрупкую жизнь в настоящем. Дэвид был жив. Чудом. Грузовик не был смертельным, просто... разрушительным. Жестокая насмешка над окончательностью сна. Но ужас остался, холодный узел в животе Марка. Если это было то, что делали его сны, что ещё они ему покажут? Что ещё они сделают?

Он пытался предупредить Дэвида, не так ли? Бессвязная, отрывистая просьба быть осторожным, смотреть по сторонам. Дэвид, вечный шутник, просто взъерошил ему волосы, отмахнулся со смехом. — Расслабься, чувак. Ты ведёшь себя так, будто видел будущее.

Ирония была горькой пилюлей. Марк видел будущее. Будущее, которое теперь стало искалеченной реальностью.

Он встал. Ноги шатались. Тело было плохо обслуживаемой машиной, работающей на парах. Медсестра предупредила его, чтобы он не оставался слишком долго, из-за эмоциональной нагрузки. Но он не мог уйти. Не сейчас. Не тогда, когда Дэвид ещё дышал. Он посмотрел на свои собственные руки, бледные и дрожащие. Вызвал ли он это? Повлияло ли его предвидение как-то на чашу весов? Или он был просто вуайеристом, бессильным свидетелем неизбежного ужаса?

Он начал посещать психотерапевта, доктора Анью Шарму. Рассказал ей о ярких снах, о тревожных совпадениях. Она терпеливо слушала, её лоб был нахмурен от беспокойства, предлагая стресс, тревогу, возможно, скрытое психическое расстройство. Он даже прошёл курс прописанных лекарств, коктейль таблеток, от которых он чувствовал себя затуманенным, отстранённым, но не ближе ко сну. Сон, он теперь осознавал, был врагом. Это были врата к видениям, портал к невыносимой правде.

Дни слились в отчаянный, бодрствующий кошмар. Он пытался быть занятым, перегнать усталость. Он бродил по библиотекам, изучая книги по психологии, мифологии, всё, что могло бы дать объяснение, проблеск понимания. Он ходил часами, город был размытием равнодушных лиц и мимолётных мгновений. Но тихие моменты, моменты неподвижности, были худшими. Это были те моменты, когда края его зрения начинали дрожать, когда звуки мира,

казалось, искажались, когда надвигающаяся угроза сна ощущалась как непреодолимый край обрыва.

У него развился тремор в руках, который не прекращался. Его внимание разлетелось на миллион осколков. Он ловил себя на том, что бессмысленно смотрит в свой учебник, слова плавают перед глазами, а его разум переигрывает образ искореженной машины Дэвида, вой сирены, мрачную эффективность парамедиков. Его терзала глубокая усталость, которой сон не мог коснуться, усталость, проникшая в самые его кости.

Он избегал своей квартиры, боясь тишины, боясь темноты. Он проводил ночи в круглосуточной закусочной, потягивая тёплый кофе, наблюдая, как проходит мир, лишь бы не смыкать глаз, не дать своему разуму отвлечься. Он пытался заставить себя не спать, приковывая себя к обыденному, к конкретной реальности настоящего. Он плескал холодную воду в лицо, пока кожа не становилась саднящей, включал громкую музыку, даже пытался щипать себя, лишь бы отогнать надвигающееся бессознательное.

Затем пришли самоубийства.

Это началось незаметно, с новостного репортажа на мерцающем телевизоре закусочной. Молодая женщина, студентка ближайшего университета, прыгнула с моста. Марк почувствовал укол беспокойства, слабое эхо сна, который он не мог точно ухватить. На следующий день ещё один репортаж. Мужчина, найденный в своей квартире, мрачная сцена. Знакомый холодок пробежал по спине Марка. Он попытался отогнать это, отмахнуться как от мрачного совпадения. Но шёпот в его сознании становился громче. Он вспомнил проблески, фрагменты снов из своих лишённых сна фуг. Прыжок. Падение. Тёмная, пустая комната. Он видел их, не так ли? Но он отмахнулся от них, похоронил под непосредственным ужасом аварии Дэвида. Теперь они всплыли, искажённые и острые.

Он снова оказался в библиотеке, привлечённый отчаянной, первобытной потребностью в ответах. Он практически бежал на адреналине и чистой силе воли, его тело кричало о передышке. Он сел за стол в тихом углу. Запах старых книг и пыли был утешительным, хотя и мимолётным, бальзамом. Он открыл свой ноутбук. Пальцы неуклюже набирали текст. Он искал новости о недавних самоубийствах, ища закономерности, связи.

Его сердце начало бешено колотиться, когда статьи начали появляться. Проявилась закономерность, слишком точная, слишком ужасающая, чтобы быть случайной. Возраст, методы, смутные намёки на отчаяние. Это было леденящее эхо фрагментированных видений, которые он пытался игнорировать. Он увидел репортаж о студенте из его собственного университета, кого-то, кого он смутно узнал из аудитории. Дата смерти... совпала со сном, который он едва зарегистрировал. Краткой вспышкой фигуры, падающей с большой высоты, безмолвным криком, проглоченным пустотой.

Он захлопнул ноутбук. Приглушённый вскрик сорвался с губ. Он не мог перегнуть это. Не мог. Сон был неизбежен. И сон, он теперь понимал со страхом, свернувшимся в желудке, был не просто пассивным наблюдателем. Это был катализатор.

Он поднял глаза. Взгляд сканировал лица других посетителей библиотеки, студентов, склонившихся над книгами, пожилую пару, обменивающуюся приглушённым разговором. Они были все такие... беспечные. Необременённые. Он почувствовал прилив горькой зависти, быстро сменившийся волной отчаяния. Кто он был? Пророком гибели? Предвестником отчаяния?

Он вспомнил Марию. Её лицо, яркое и чёткое, как будто он знал её всю свою жизнь, хотя видел только во сне. В ней была сила, знающий взгляд. Он видел её в библиотеке, во сне. Она была там, среди приглушённой тишины и высоких стеллажей. Он видел её в опасности, видение, которое заставило его проснуться от висцерального страха. Падающий предмет. Внезапное, яростное падение.

Он оглядел библиотеку сейчас, её реальность была одновременно утешением и ужасающим напоминанием о сне. Он сканировал архитектуру, богато украшенные люстры, которые висели, как ледяные хрустальные слёзы, с потолка. Одна из них, в частности, привлекла его внимание. Она была массивной, замысловатой, реликвией ушедшей эпохи. Он видел её во сне, не так ли? Не просто люстру, а момент. Внезапную дрожь, ужасающий стон сдающего металла, ужасающее падение.

Холодный пот выступил на лбу. Он встал. Движения были отрывистыми, дыхание поверхностным, прерывистым. Он должен был найти её. Он должен был узнать, реальна ли она. Он должен был узнать, реален ли он.

Он пошёл к главному залу. Глаза были прикованы к внушительной люстре. Воспоминание о сне было тяжёлым грузом на плечах. Воздух в библиотеке, казалось, сгущался, гудел от невидимой энергии. Он мог чувствовать это, странный резонанс, возмущение в тишине.

Он увидел её тогда. Стоящей у большого дубового стола, спиной к нему, её волосы были тёмным водопадом. Это была она. Мария. Он знал это с тревожной уверенностью. Он никогда не видел её лично, но узнал изгиб её шеи, то, как она держалась. Он почувствовал укол узнавания, проблеск надежды в удушающей тьме.

Но сон всё ещё был там, яркий и ужасающий. Стонающий металл, трескающееся дерево, пыль, застилающая воздух. Он видел, как она протянула руку, как будто пытаясь удержать равновесие, как раз в тот момент, когда огромная конструкция начала шататься. Он видел панику в её глазах, осознание своей гибели.

Он не думал. Он действовал.

Ведомый силой, которую он не мог контролировать, первобытным побуждением защитить эту женщину, которую он знал только в своём раздробленном сне, он бросился бежать. Полированный пол библиотеки блестел под лучами полуденного солнца, проникающими сквозь арочные окна. Его шаги эхом отдавались, безумной барабанной дробью против приглушённого благоговения пространства. Люди подняли головы, испуганные, их тихие занятия были прерваны.

— Мария! — закричал он. Голос был хриплым, срывающимся от истощения и отчаяния.

Она повернулась. Глаза расширились от удивления, затем недоумения, когда она увидела его приближающимся, его лицо, искажённое спешкой. Он видел, как её взгляд метнулся

вверх, следуя за его лихорадочно указывающим пальцем. Её собственные глаза расширились от зарождающегося ужаса. Люстра.

Это было больше не плодом его воображения. Это была реальная, ужасающая угроза. Низкий, гортанный стон исходил с потолка, звук напряжённого металла, древних соединений, поддающихся. Душ пыли и мелких осколков посыпался вниз, ловя свет, как падающие звёзды. По библиотеке прокатился коллективный вздох.

Мария замерла. Лицо было маской ужаса. Она была прямо под ней.

Ноги Марка двигались быстрее. Расстояние между ними сокращалось с мучительной медлительностью. Он видел, как люстра содрогнулась. Массивная, богато украшенная конструкция из хрусталя и железа начала своё роковое падение. Время, казалось, исказилось, растянулось и искривилось. Он видел замысловатые узоры хрусталя, тонкую филигрань металлической работы, даже когда весь её вес грозил раздавить из неё жизнь.

Он бросился вперёд. Руки были вытянуты. Отчаянная, неуклюжая попытка вытолкнуть её с пути разрушения. Он почувствовал удар до того, как увидел его. Сокрушительная сила, которая отбросила его. Он тяжело приземлился, дыхание перехватило, его зрение на мгновение затуманилось.

Но он видел это. Он видел Марию, отшатывающуюся назад, из зоны прямого попадания. Её глаза были широко раскрыты от шока. И он видел люстру, ужасающую симфонию разбивающегося хрусталя и скручивающегося металла, обрушившуюся на то место, где она только что стояла. Удар послал дрожь по полу, оглушительный рёв, заглушивший все остальные звуки. Обломки разлетелись, осколки стекла летели, как шрапнель.

Марк приподнялся. Тело болело, голова гудела. Он посмотрел на Марию, которая смотрела на обломки. Её лицо было бледным, руки прижаты к груди. Она была жива. Он спас её.

Их глаза встретились на хаотичной сцене. Безмолвное понимание прошло между ними. Это было больше, чем совпадение. Это было реально. И он, Марк, каким-то образом, необъяснимо, был тем, кто предотвратил это.

Женщина в форме библиотекаря, её лицо было искажено паникой, бросилась к ним. — Вы двое в порядке? О боже, люстра!

Марк проигнорировал её. Взгляд был прикован к Марии. Он видел страх в её глазах, но под ним — зарождающееся осознание. Он подтвердил её страхи. Он подтвердил свои собственные. Сны были не просто снами. Они были предвестниками. И он, каким-то образом, был их частью.

Он шагнул к ней. Ноги всё ещё были неуверенными. — Ты... ты Мария? — прохрипел он. Голос был едва слышен.

Она кивнула. Глаза были широко раскрыты, проблеск узнавания в их глубине. Это было так, как будто она ожидала его, или, по крайней мере, ожидала этого. — Я... я видел это, — выдавил он, смутно указывая на обломки. — Во сне. Я видел, как это случилось.

Взгляд Марии стал острее. Новая интенсивность сменила шок. Она посмотрела с него на упавшую люстру, затем снова на него. Медленное, зарождающееся осознание распространилось по её лицу, смесь благоговения и опасения. — Ты... ты видел? — прошептала она. Голос дрожал.

Он кивнул, одно, усталое движение. — Я видел.

Библиотека погрузилась в какофонию криков, отдалённый вой сирен, звуки людей, спешащих оценить ущерб. Но для Марка и Марии, в тот момент, было только безмолвное, ужасающее признание общей, невозможной реальности. Бремя стало общим грузом. И путешествие, подозревал он, было далеко от завершения.

Он посмотрел на неё, эту женщину из своих снов, теперь стоящую перед ним, живую, благодаря кошмару, который он каким-то образом, благословенно, изменил. Облегчение было огромным, но его омрачал леденящий вопрос: что дальше? Какие ещё ужасы ждали их в бодр-

ствующем мире, нашептанные в существование беспокойным сном обременённого разума? Он почувствовал знакомое притяжение, слабый, ужасающий шёпот сна на краю его сознания, и впервые он боялся не только того, что может увидеть, но и того, что может сделать.

Drømmen som tok slutt

«Умереть — уснуть. Уснуть. И видеть сны? Вот и ответ. Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?» — Уильям Шекспир, «Гамлет»

Тишина больничной палаты резко контрастировала с какофонией, которая ей предшествовала. Мария стояла, всё ещё сжимая винтовку в дрожащих руках. Едкий запах пороха был фантомным ощущением в её ноздрях. Кровь на полу, тёмное, вязкое пятно Иирата, была слишком реальна, мрачное свидетельство насилия, которое только что закончилось. Но это была неподвижность перед ней, которая перехватила её дыхание. Марк.

Он лежал там, где упал. Его глаза, когда-то такие беспокойные, теперь были пустыми и широко раскрытыми, уставившись в точку за отслаивающейся акустической плиткой библиотечного потолка. Тёмный, цветущий цветок испортил центр его лба. Окончательный, жестокий знак препинания в жизни, поглощённой предвидением. Первоначальная эйфория Марии, прилив адреналина, который подпитывал её выстрел, испарились, оставив после себя глухую боль, которая грозила поглотить её целиком.

— Марк? — Её голос был тонкой нитью, потерянной в огромном, эхом отдающемся пространстве её горя. Она сделала неуверенный шаг к нему. Винтовка бессознательно опустилась. Вес её был внезапно невыносимым, физическим проявлением бремени, которое они оба несли.

Мягкий жужжащий звук нарушил тишину. Камера наблюдения, сидевшая, как хищная птица, в углу, продолжала своё немигающее дежурство. Она видела всё. Она запишет всё. Мысль послала дрожь по спине Марии, холодный ужас, не связанный с кровью. Что мир сделает из этого? Студентка, девушка с винтовкой, мёртвый мужчина, которого они никогда не знали.

Она опустилась на колени рядом с Марком. Колени хрустнули на линолеуме. Его кожа была прохладной, мраморным изваянием. Она мягко, нерешительно, протянула руку, чтобы убрать выбившуюся прядь волос с его лба. Пальцы отпрянули от липкой, сохнувшей крови. Его лицо, обычно пейзаж нахмуренного беспокойства, теперь было наконец пугающе спокойным.

— Идиот, — прошептала она. Слёзы наконец полились, горячие и быстрые. — Ты абсолютный, блестящий, красивый идиот.

Он спас её. Он шагнул перед ней, щитом от неизбежного, жертвой, рождённой из любви, которую она не до конца понимала до этого последнего, мучительного мгновения. Он принял то, что ненавидел, неизбежную судьбу, от которой он так отчаянно пытался убежать, и использовал это, чтобы спасти её. А затем, тем же вздохом, он решил покончить с этим. Вернуть свою свободу воли из цепкой хватки пророчества.

Вес его решения давил на неё. Она, та, кто жаждал контроля, кто видел их способности как инструменты, которые нужно оттачивать, которыми нужно овладевать, не смогла по-настоящему понять цену этого для него. Она давила, спорила, требовала общего пути, слепая к тому, что его путь вёл только к бездне отчаяния.

Слабый вой сирен становился громче, прорезая ошеломлённую тишину библиотеки. Реальность, грубая и незваная гостья, возвращалась. Мария посмотрела на винтовку в своих руках, затем на неподвижную форму Марка. Она убила Иирата. Она предотвратила ядерный апокалипсис. Мир, не подозревая о своём близком конце, продолжит своё равнодушное вращение.

Но её мир только что разбился на миллион невозстановимых осколков.

Офицер в форме, его лицо было маской профессиональной озабоченности, осторожно вошёл в библиотеку. Его рука висела возле кобуры. Он осмотрел сцену — кровь, мёртвый

студент, молодая женщина, сжимающая винтовку. Его глаза расширились, но голос оставался ровным.

— Мэм, пожалуйста, положите оружие. Медленно.

Мария кивнула. Взгляд не отрывался от Марка. Она осторожно положила винтовку на пол. Стук эхом отдался, как выстрел. Она не могла говорить. Слова застряли в горле, болезненный комок невыплаканного горя и вины.

Вошёл ещё один офицер, за ним парамедик. Они двигались с отработанной эффективностью, их движения резко контрастировали с параличом Марии. Они проверили Марка. Их лица были мрачными. Парамедик посмотрел на Марию. Его выражение лица было сострада-тельным.

— Он ушёл, мисс.

Слова, произнесённые с такой простой окончательностью, ощущались как физический удар. Мария закрыла глаза. Образ Марка, шагающего перед ней, въелся в её сознание.

Библиотека превратилась в стерильную, хаотичную сцену. Прибыли детективы. Их вопросы были шквалом, который она едва могла понять. Она отвечала механически. Голос был отдалённым и пустым. Иират был фантомом, его мотивы теперь не имели значения. Бомба, которая так и не взорвалась, была призраком в машине. Её рассказ был лоскутным одеялом из раздробленных истин, опускающих невозможное, необъяснимое. Она говорила о борьбе, о самообороне, об отчаянном акте самозащиты. Пророческие сны, обозначение Творца, пространство сна — это были секреты, которые она унесёт с собой, похороненные глубоко внутри, новое бремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.